

**БЕРНАР
МИНЬЕР**

СЕСТРЫ

ПЕРЕД НИМИ ПРОСТИРАЛСЯ
ОГРОМНЫЙ, НЕОБЪЯТНЫЙ ЛЕС...

Главный триллер года

Бернар Миньер

Сестры

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Миньер Б.

Сестры / Б. Миньер — «Эксмо», 2018 — (Главный триллер года)

ISBN 978-5-04-106144-9

Бедные падшие души... Я должен был убить вас... Май 1993. Две сестры, Алиса, 20 лет, и Амбер, 21 год, найдены мертвыми на берегу Гаронны. Одетые в платья для первого причастия, они сидели лицами друг к другу, привязанные к двум деревьям. Молодой Мартен Сервас, который только что начал службу в полиции Тулузы, проводит свой первый допрос. Очень быстро его внимание приковывает Эрика Ланг, знаменитый автор жестоких и пугающих триллеров. Разве сестры не были его фанатами? Разве не называется один из его самых успешных романов «Первопричастница»? Но внезапно дело принимает совсем иной оборот... Февраль 2018. Холодной ночью писатель Эрик Ланг обнаруживает свою жену убитой... и тоже одетой в платье первопричастницы. Спустя 25 лет Мартен Сервас возобновляет расследование. Но еще не знает, что прошлое, ставшее настоящим, превратится для него в кошмар. Кошмар, написанный черными чернилами...

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-106144-9

© Миньер Б., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Прелюдия	6
Часть I	11
Глава 1, в которой найдены две девушки в платьях первопричастниц	11
Глава 2, в которой найден отец (1989)	14
Глава 3, в которой Сервас переезжает	17
Глава 4, в которой исчезает крестик	20
Глава 5, в которой снова говорится об Алисе и Амбре	27
Глава 6, в которой наступает тишина	30
Глава 7, в которой речь идет о книгах и о читательницах	34
Глава 8, где речь идет о девственности и футболе	39
Глава 9, в которой подводятся первые итоги	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бернар Миньер

Сестры

Bernard Minier
Soeurs

XO Editions, 2018. All rights reserved.
Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Прелюдия

Перед ними простирался огромный, необъятный лес.

Половина одиннадцатого... Стоял теплый июньский вечер, который никак не желал превращаться в ночь. А ночной сумрак уже наступал, но все не мог наступить. Все больше и больше темнело, но света было еще достаточно, чтобы сквозь полумрак различить, словно на выцветших обоях, тонкую мозаику листьев, призрачные, похожие на рассыпанный попкорн, белые пятнышки цветов в траве. Бледные руки и светлые платья девушек тоже таяли в темноте, колеблясь, как у призраков. Зато под деревьями была такая темнота, что уже ничего не разглядишь. Они переглянулись и улыбнулись друг другу, но их жадные до всего, пылкие юные сердца бились очень сильно, слишком сильно. Они шли между стволами дубов и каштанов, по покатоному склону спускаясь сквозь папоротники к дороге. Держась за руки. Здесь, между деревьями, воздух был недвижим: ни ветерка, ни дуновения. Лес казался мертвым. Где-то далеко, возле самой опушки, у фермера во дворе залаяла собака, потом по дороге промчался мотоциклист, притормозив перед поворотом, а потом снова нажал на газ. Одной из девушек было пятнадцать лет, другой шестнадцать, но все принимали их за близнецов. Одинаковые длинные волосы цвета мокрой соломы, одинаковые продолговатые личики с огромными глазами на все лицо и одинаковые фигуры, вытянутые, как идущая в семя трава... Несомненно, обе были хорошенькие, даже красивые – на свой странный манер. Да-да, странный. Что-то было такое в их взглядах, в их голосах, что вызывало неловкость. Летучая мышь слегка задела волосы той, которую звали Алиса, и девушка сдавленно вскрикнула.

– Тише! – цыкнула на нее Амбра, старшая из сестер.

– Я ничего не сказала.

– Ты вскрикнула.

– Ничего я не вскрикивала!

– Нет, вскрикнула! Ты что, испугалась?

– Нет!

– Врешь... Ясное дело, испугалась, сестренка.

– Я же говорю: нет! – запротестовала младшая, изо всех сил стараясь придать твердость своему совсем еще детскому голосу. – Я просто удивилась.

– Ладно, могла и испугаться. Лес – вообще штука опасная, все леса такие.

– Ну, и что мы тут будем делать? – недовольным голосом спросила Алиса, оглядевшись вокруг.

– Ты разве не хочешь его увидеть?

– Конечно, хочу. А ты уверена, что он придет?

– Он обещал, – с очень серьезным видом сказала Амбра.

– Мужчины часто обещают, а потом забывают выполнить.

Амбра коротко хохотнула.

– Что ты знаешь о мужчинах, в твоём-то возрасте?

– Достаточно.

– Вот как?

– Я знаю, что отец спит со своей ассистенткой.

– Это я тебе сказала!

– Знаю, что Тома мастурбирует.

– Тома – не мужчина, а мальчишка.

– Ему уже восемнадцать!

– И что с того?

Так шли они в лесной тишине, предаваясь той словесной игре, той пикировке, которую любили затевать с детства, сколько себя помнили. Днем было бы легче уловить различия в их облике. Крутой лоб и упрямое выражение лица Алисы выдавали, что она пока еще суший ребенок. А вот Амбра, с ее уже оформившимся и расцветшим женским телом, с ее тонкими и более четкими, чем у сестры, чертами лица, уже заставляла оборачиваться прохожих на улице.

– И почему это он должен прийти? – спросила младшая. – Ведь мы для него – всего лишь две дурынды.

– Ошибаешься, – отвечала старшая, явно задетая за живое.

Они как раз огибали старый дуб, лежащий в кустах жимолости. Его корни, выпачканные в земле, как пальцы, поднимались к звездам. Мощное дерево не устояло под натиском кого-то более слабого – неважно, ветра или паразита. Вот и всегда так: слабые одерживают верх над сильными.

– Мы для него – нечто совсем другое, – заявила Амбра.

Ей очень хотелось добавить: «Во всяком случае, я, ведь ты еще маленькая», – но она сдержалась.

– Вот как? А кто же, интересно, мы для него? – спросила Алиса зазвеневшим от любопытства голосом.

– Две молодые девушки, очень умные, умнее всех, что ему до сих пор встречались.

– И это всё?

– Да нет же!

– И кто же мы еще для него?

Амбра остановилась, повернулась к сестре, и ее глаза с расширившимися зрачками потемнели и блеснули.

– Посмотри на меня, младшенькая.

Алиса в упор уставилась на нее.

– Ну, смотрю, – сказала она. – И прекрати называть меня младшенькой, у нас всего год разница.

– Ну, и что ты видишь?

– Девчонку шестнадцати лет в старомодном белом платье, – хихикнула Алиса.

– Погляди на меня, тебе сказали.

– Я смотрю.

– И ничего не видишь!

Амбра расстегнула пуговицу на платье.

– Сиськи вижу, – ответила Алиса уже медленнее.

– Так.

– Женское тело...

– Так.

– Девчонка – просто отпад...

– Так. А еще что?

– Не знаю...

– А ты подумай!

– Не знаю!

– Кто мы для него такие? – подсказала Амбра, помахав книгой, которую держала в левой руке.

– Его фанатки, – сразу ответила Алиса задрожавшим от волнения голосом.

– Вот именно, *фанатки*. А он обожает фанаток. Особенно тех, у кого грудки и киски.

Они пошли дальше, и под ногами у них трещали сухие ветки.

– А может, мы для него слишком маленькие? – забеспокоилась Алиса. – Ему ведь не меньше тридцатника.

– В этом-то и фишка.

Они пробрались сквозь кустарник, и среди листьев перед ними замаячила вышка, стоящая посреди поляны. Луна освещала круглую черепицу и светлый камень, что делало ее похожей на сторожевую башню.

– Две очень хорошенькие девушки. Одни, ночью, с ним... Они его обожают, боготворят... Вот чего он хочет. И для этого он придет.

– И он считает себя сильным красавцем, умным и холодным, – в тон сестре продолжила Алиса.

Амбра отодвинула последнюю ветку, и перед ними появилась вышка.

– Да. Только мы гораздо умнее его, правда, младшенькая?

* * *

Он наблюдал за девушками, спрятавшись в кустах. Они топтались на месте и явно нервничали, потом принялись спорить. Видимо, уже были готовы отступить от задуманного и уйти. Он провел кончиком языка по губам, потом по дырке в зубе, который разболелся ночью, когда он лежал в постели, и поморщился. Кариес... Но вид двух девчонок в платьицах для первого причастия вызвал у него улыбку. Отгнав круживших над головой ночных бабочек, он выпрямился.

* * *

– Амбра, давай уйдем. Он не придет. Мы с тобой одни... в этом лесу.

Услышав собственный голос, произнесший вслух эту фразу, Алиса забеспокоилась. Уж лучше было не озвучивать то, о чем они говорили, даже не думать об этом.

– Ты просто боишься, – сказала Амбра.

– Да, боюсь. И что?

Ей очень хотелось сказать сестре то главное, что ее волновало: а вдруг кто-нибудь другой прячется в лесу? А он просто позабыл прийти? А вдруг по лесу рыщут дикие звери? Она хорошо знала, что крупнее оленей, лис и косуль в этом лесу зверей не водилось. А в листве могли прятаться ястреб, дятел, марабу или филин. Последний, кстати, ухал где-то совсем близко: может, сидел в засаде на вышке и выводил свое важное и торжественное «у-гу!», как лесной нотариус. Ему тремя криками вторила обыкновенная лесная сова, словно высмеивая его полный достоинства голос.

Лес пестрел настоящей мозаикой ручейков и маленьких озер, и в теплой июньской темноте во все горло надрывались квакши и древесные лягушки.

– Ты что, всерьез веришь, что он придет? – спросила Алиса.

– Он придет.

В голосе старшей появились нотки нетерпения и сомнения, и от младшей это не укрылось.

– Еще пять минут – и я уйду, – заявила она.

– Как хочешь.

– И ты останешься здесь совсем одна.

На это ответа не последовало.

Вдруг по листве в ближайшем кустарнике пробежала дрожь, словно ветер прошел, хотя никакого ветра не было. Девушки вздрогнули и повернулись в ту сторону.

Из чащи вынырнул чей-то силуэт. Он с шуршанием отвел ветки кустарника и медленно направился к девушкам. На нем был белый льняной костюм, сшитый явно не для лазания по кустам.

– Ты что, шпионил за нами? – бросила Амбра.

– Я за вами наблюдал... Вы пришли... И это хорошо.

Он внимательно разглядывал их, переводя глаза с одной на другую.

– Это не совсем платье для первого причастия, – с улыбкой заметил он.

– Мы нашли те, что больше всего на них похожи, – отвечала Алиса.

– Вы великолепны, – оценил он. – Я очень тронут и тем, что вы пришли... и таким вниманием...

С этими словами он взял каждую из них за руку.

– Мы твои самые большие фанатки, – простодушно сказала Амбра, показав книгу и сжав ему руку своей горячей ладонью.

– Твои самые большие фанатки, – эхом отозвалась Алиса, стиснув ему другую руку.

Девушки говорили искренне. С двенадцати лет они увлеклись его романами для взрослых, с невыносимыми сценами насилия, которые повергали в шок и вызывали отвращение, с убийствами и пытками. Особенно им нравилось, что виновным у него часто удавалось выпутаться, а жертвы оказывались не такими уж и невинными. Прежде всего, в этих романах царила атмосфера упадочничества, все персонажи действовали из нездоровых побуждений, с достаточно грязной мотивацией, а их извращения отличались редкой изобретательностью. Ну и, как и следовало ожидать, секса там было хоть отбавляй.

– Я знаю, – сказал он.

Судя по виду, писатель растрогался, глаза под длинными черными ресницами увлажнились. Лицо его нельзя было назвать красивым, но в правильных и гармоничных чертах угадывалась алчность, которая наверняка могла кому-то показаться соблазнительной.

Вдруг поднялся ветер, и верхушки высоких деревьев зашумели. Он заметил, как обе девушки вздрогнули, и его улыбка стала еще шире.

– «Эти юные особы боятся теней лесных», – продекламировал он.

Это была цитата из фильма Ингмара Бергмана «Девичий источник». Он покачал головой, сделал вид, что с тревогой оглядывается вокруг, и нахмурился.

– Место здесь такое тихое, такое безлюдное...

– А чего нам бояться? – возразила Амбра. – Мы же с тобой.

– Правильно.

– А ты с нами, – продолжала она. – Что же ты делаешь в лесу с двумя шестнадцатилетними девчонками?

– Пятнадцатилетними, – уточнила Алиса, и ее слова прозвучали как обвинение.

– В этом нет ничего плохого, правда? – с иронией заметил он.

И внимательно всмотрелся в обеих, сначала в одну, потом в другую, явно спрашивая себя, где же ловушка. Потом оглянулся.

– С вами пришел еще кто-нибудь?

– Никто.

– Вы в этом уверены?

Амбра по-приятельски ему улыбнулась.

– Ты погляди-ка на себя, – вдруг язвительно произнесла она. – Человек, который пишет в своих книгах о самых жестоких приключениях, знаменитый автор кровавых сцен испугался двух девчонок.

– Ни капельки я не испугался, – очень мило возмутился он.

– Но забеспокоился.

– Не забеспокоился, а проявил благоразумие.

– Можно, конечно, все списать на эмоции, но эмоции-то остаются. Как же тебе удастся писать такие жуткие и завораживающие книги? – сказала старшая, пристально глядя ему прямо в глаза. – Полные волшебного яда страницы? Ведь на вид ты... такой *нормальный*.

Теперь голос ее изменился и потемнел под стать лесу. Все лесные жители, казалось, почувствовали напряженность момента, и потому совы, орланы и филины вдруг затеяли переключку с дерева на дерево, а в роще прокричал олень. Разве что косуль не было слышно: наверное, они ничего в этом не понимали. Весь лес зашевелился, словно проснувшись, и зверье лесное начало готовиться к ночной симфонии, как инструменты оркестра настраиваются перед концертом.

– А у тебя никогда не возникало желания осуществить свои идеи на практике?

– То есть?

– Ну, все эти убийства, пытки, насилия...

Он удивленно уставился на нее.

– Значит, все это вранье, выдумка?

Он внимательно следил за эмоциями девушки, но особого волнения в ней не почувствовал.

– Значит, ты никогда не думал о том, какое действие оказывают на нас твои книги?

Он разглядывал Амбру, а она подходила все ближе и ближе.

– Мы самые большие твои фанатки, не забывай об этом, – прошептала девушка, и он почувствовал ее жаркое дыхание у себя в самом ухе. – Ты можешь просить нас *о чем угодно*.

От ее голоса и дыхания у него волосы на затылке встали дыбом. Амбра отстранилась и с удовлетворением заметила, что глаза его потемнели и в них зажегся тот мрачный огонек, который она уже много раз замечала в других глазах. Ей нравилось вызывать к жизни этот огонек. Он возбуждал и волновал ее. Как же все-таки легко манипулировать мужчинами, это даже разочаровывает... И для этого вовсе не нужно быть красивой или умной. Достаточно просто-напросто дать им то, чего они добиваются, но не сразу.

И не слишком часто.

– Ну, так что же?

Даже в темноте она увидела, как вспыхнуло его лицо. Он пристально, в упор посмотрел на обеих, и его глаза сверкнули вожделием и жестокостью.

– А вы, оказывается, классные девчонки, – сказал он.

Часть I 1993

Глава 1, в которой найдены две девушки в платьях первопричастниц

Он любил эти минуты. Любил трижды в неделю, и зимой, и летом, нестись по воде, мчаться со скоростью ветра вдоль островов на Гаронне. Мимо Гран-Рамье, мимо маленького островка Мулен, мимо острова Ампало. В лучах рассветного солнца. Когда город еще только-только просыпается. Было всего полседьмого утра, а термометр показывал уже пятнадцать градусов.

В шортах цвета морской волны, в белой тенниске, согнув ноги, напрягши руки и выпятив грудь, он толкал по воде свой узкий челнок: спиной к носу, зад крепко, словно привинченный, сидит на подвижной скамейке, которую все без всякой насмешки называют «кулисой». Его завораживало движение воды под веслами. И тело двигалось в четком ритме, согласно четырем фазам гребли: придать челну движение, то есть оттолкнуться ногами и напрячь руки в гребке; потом вытащить весла из воды и отправить их за спину, медленно и аккуратно сгибая ноги, чтобы не нарушить плавность скольжения, и снова погрузить весла в воду. Дело было в непрерывном скольжении, и все подчинялось тому, чтобы его добиться: тонкий расчет силы, мощность толчка, время расслабления. Этот вид спорта давал нагрузку всем мышцам: спины и живота, рук и ног, бедер и ягодиц... И еще развивал умение сосредоточиться.

Он плыл мимо острова Гран-Рамье, где располагался стадион и прятался среди деревьев университетский городок на сваях. По водному простору наш спортсмен скользил в одиночестве, поскольку терпеть не мог гребти в команде. Метрах в ста слева, за бетонной дамбой, возвышались прямоугольники жилых домов. Справа берег зарос буйной зеленью и изобиловал ручьями, напоминая тем самым Луизиану. Узкий, длинный челнок скользил по направлению к высокой зеленой трубе химического завода азотных удобрений, которую прибрежные жители называли «Зеленой Башней» и которая выплевывала в бледную голубизну неба дым с примесью нитратов аммония. Спортсмен был химиком. Он знал, что башня грануляции азотных удобрений должна быть снабжена системой очистки, как и все подобные предприятия, но эту не снабдили. Ассоциация Друзей Земли неоднократно заявляла о «бомбе замедленного действия», которую представляет собой химическое предприятие, расположенное в самом сердце Тулузы. Он был химиком и знал, о чем идет речь. Завод не только стоял слишком близко к жилым кварталам, во время Первой мировой войны там производили огромное количество пороха и взрывчатки. После войны спрос на взрывчатку резко упал, и пороховое производство, вместе с запасами нитроцеллюлозы, оказалось в руках того, кто затопил его в ближайших озерах между Содрюной и Гаронной. Согласно последним сведениям, эти запасы и ныне там, под водой. Тем временем, спустя восемьдесят лет, кое-кто ими заинтересовался. *Этого пороха хватит, чтобы взорвать весь департамент.* На сегодняшний день вопрос о нейтрализации запасов пока никто не рассматривал. Интересно, насколько возросла численность населения за эти восемьдесят лет?

Не доехав до прибрежной зоны завода, он свернул направо, в узкий рукав реки. Зелень по берегам стояла плотной стеной, и создавалось впечатление, что лодка вошла в старицу. Его всякий раз поражали тишина и умиротворение, царившие в этих местах. Какое-то почти религиозное спокойствие. Словно ты вдруг покинул город и оказался в параллельной вселенной. Он чуть замедлил ход лодки. Это был его любимый момент. Возле самого берега плавал какой-

то мусор, за ветки цеплялись полиэтиленовые мешки, однако если б не эти детали, то не хватало бы только скрипки с аккордеоном. «Рожденный в старице», «*Born on the Bayou*»¹. В теплое время года он видел здесь черных коршунов, отливающих синим стрекоз и писающих лягушек – так их прозвали за струю мочи, которую они выпускали в того, кому удавалось их схватить.

За деревьями угадывались постройки, но здесь, в объятиях реки, он был один. Он скользил по воде все медленнее, наслаждаясь такой безмятежной интерлюдией, как вдруг справа от него появилось нечто, чего точно не было, когда он заплывал сюда в последний раз. У самых корней дерева виднелось что-то большое и белое, словно два гигантских полиэтиленовых мешка. Ой, нет... Мать Божия! Два полупрозрачных белых пятна на фоне зеленых листьев и кустов оказались двумя белыми платьями, развевавшимися на ветру. А под платьями угадывались четыре руки, четыре ноги и две головы... Две человеческие фигуры. Или то, что теперь ими считалось... Он почувствовал, как сильно заколотилось сердце. Гребля для сердца очень полезна, и с годами он приобрел неплохую способность регулировать дыхание, а потому владел и аэробным, и анаэробным. Однако его мозг все-таки расшифровал то, что он увидел, и сразу послал истерический сигнал надпочечникам, а те выбросили адреналина – хоть отбавляй. И как следствие, вне зависимости от того, атлет ты или нет, неизбежно проявляются чисто физиологические реакции: увеличиваются сердечный ритм и артериальное давление, легкие расширяются, а кровь перенаправляется из пищеварительной системы к мускулатуре, легким и мозгу. Все эти реакции впечатаны в память нашего тела с одной целью: сделать организм способным либо быстро убежать, либо как-то отреагировать, то есть принять бой.

Франсуа-Режис Берко отреагировал.

Для начала он вертикально опустил весла в воду и толкнул их вперед, чтобы остановить лодку. Затем вытащил весла из воды, подтянул руки к груди, снова окунул весла в воду и с напряжением протянул руки вперед, чтобы дать задний ход (профи называют этот прием «табанить») и подойти к белым платьям, что бы в них ни было. И два белых силуэта стали приближаться.

Он не сбавлял скорости, пока не остановился напротив них.

Надо сказать, то, что он увидел, отнюдь не способствовало восстановлению идеального обмена веществ в его организме. Два белых платья были похожи на одежды для первого причастия, с пояском, завязанным вокруг талии, или в крайнем случае на очень строгие подвенечные наряды. А в них – о господи! – оказались две молоденькие девушки с длинными волосами цвета мокрой соломы. Они сидели у самого берега, метрах в трех друг от друга. Их толстыми веревками привязали к стволам двух деревьев, лицом к лицу, с подбородками, упершимися в грудь. У одной из них на шее висел деревянный крестик, а распухшее лицо за завесой мокрых волос, похоже, было жестоко избито и изуродовано. На гребца накатила тошнота, желчь поднялась к самому горлу. Он перегнулся через борт и сунул два пальца в рот, чтобы вызвать рвоту, а заодно и избавиться от лишней соли, если только такое выражение применимо к пресной воде.

Он глупо твердил себе, что в последний раз полез в эту протоку и, может быть, в последний раз отправился на челне по этой гребаной реке, а может, и с греблей надо завязывать, черт побери! Во всяком случае, он твердо знал, что никогда больше не сможет проплыть мимо этого места, без того чтобы жуткое видение не возникло перед ним снова. Он все спрашивал себя, что же за чудовище оказалось способным на такое, и, несмотря на жару, его начал бить озноб.

Надо что-то делать... здесь нельзя оставаться...

Откуда-то с запада раздался раскат грома. Все еще дрожа, Берко встряхнулся. Он развернул лодку в обратном направлении, гребя одним веслом и табаня другим, измотанный волнением, как новичок. Узость протоки маневру не способствовала, и он пожалел, что у него нет каноэ.

¹ «*Born on the Bayou*» – популярная песня американской рок-группы «Криденс». – *Здесь и далее прим. пер.*

«Телефон... Надо срочно найти телефон», – думал он, работая веслами с такой скоростью, с какой никогда не работал.

Глава 2, в которой найден отец (1989)

«Настоящая Гора Откровения», – подумал Мартен, когда увидел холм, залитый солнечным светом. Интересно, а ближайшая деревня случайно называется не Сион? Отцовский дом, казалось, был погружен в сон. Ставни на большинстве окон первого этажа – эти комнаты отец заколотил после смерти матери – были закрыты, а на втором этаже открыты. Ветерок, не приносивший никакой прохлады, шевелил верхушки деревьев в лесу и пробегал волной по золотистому пшеничному полю за домом. Хлеб еще не созрел... Но пройдет месяц с небольшим, и по полю станут кружить комбайны, поднимая тучи золотистой пыли.

Мартен Сервас заглушил мотор своего «Фиата Панды», открыл дверцу, вылез на гравийной аллее, обсаженной столетними платанами, и втянул в себя воздух. Сколько же он здесь не был? Месяц? Два? *И тут где-то в самой середине живота он ощутил комок.* Похожий на комок шерсти, что срыгивают кошки. Комок появлялся всякий раз, как он приезжал сюда, и рос год от года.

Сервас направился к старому зданию фермы, освещенной солнцем. Становилось жарко. Очень жарко. Это походило скорее на душный летний полдень, чем на майский денек, и от жары тенниска прилипла к спине Мартена.

Перед выездом он пытался связаться с отцом, сначала по телефону, потом по факсу, но старик не отвечал. Может, собирался устроить себе сиесту, а может, отсыпался после вчерашних возлияний. Мартен заметил отцовский «Рено Клио», припаркованный на обычном месте, возле гаража, где вот уже больше десяти лет ржавела сельскохозяйственная техника. Отец не был сельским хозяином, он был учителем французского языка.

Строгим учителем, но ученики его ценили.

Однако это было до того, как двое бандитов забрались к нему в дом, изнасиловали его жену и оставили ее умирать². Теперь элегантный учитель французского, стройный и энергичный, как юноша, стал похож на одного из тех бедолаг, что регулярно попадают в вытрезвитель при жандармерии. Мартен неоднократно его там отыскивал, благо один из жандармов был его школьным приятелем. В то время как Сервас взял курс на изучение литературы, его друг выбрал более уважаемую профессию жандарма. Когда Мартен появлялся у него, чтобы забрать отца, тот встречал его с глубоким сочувствием. Наверное, представлял себе, что бы он испытал, если б ему вот так пришлось забирать своего. Сочувствие зачастую оказывается скрытой формой жалости к самому себе.

Гравий скрипел у него под ногами, и Мартен, отгоняя на ходу насекомых, остановился перед старой деревянной дверью, с которой остатки краски отваливались, как змеиная кожа во время линьки. С минуту он не решался толкнуть дверь. А когда толкнул, то заржавевшие петли, явно нуждавшиеся в малой толике масла, заскрипели на весь дом, погруженный в молчание и полумрак.

– Папа?

Он вошел в коридор, в котором до самой середины лета стоял запах затхлой сырости. Тишина, прохлада, привычное расположение комнат – словно его вдруг тормознули и в пространстве, и во времени, словно чей-то гарпун выдернул его из настоящего, и сейчас покажется мама и приласкает его взглядом своих добрых карих глаз. Комок в животе стал расти... Мартен дошел до кухни, единственной комнаты на первом этаже, которой еще пользовался отец. Однако когда он щелкнул выключателем, то огромная старинная кухня, отделанная белым кафелем, таким же, как в метро, и все ее пространство, предмет мечтаний любого из городских агентов по недвижимости, была пуста. Но запах кофе в ней еще витал. И Мартен заметил, что

² Об этом см. в романе Б. Миньера «Лед».

кофе у отца в очередной раз убежал. Тот не давал себе труда открыть окна, чтобы проветрить, и случилось, что сын часов в пять утра видел, как отец одиноко потягивает кофе в пустой кухне, под лампочкой без абажура. Это была единственная привычка, от которой он не отказался, даже когда алкоголь прочно занял место послеобеденного кофе, а потом и вечернего, а потом и утреннего.

Мартен налил себе стакан воды, снова вышел в коридор, подошел к ведущей наверх лестнице и поднялся по ступенькам.

– Папа, это я!

И на этот раз тоже никакого ответа. Ступеньки тихонько, жалобно поскрипывали под ногами. Кроме скрипа ступенек, в доме не раздавалось ни звука, и от этой мертвой тишины нервы натянулись до предела. Кругом царило такое запустение, что Мартену захотелось убежать отсюда. Дойдя до площадки второго этажа, он вдруг услышал знакомую музыку... Малер... до мажор и ля минор коды «Песни о Земле», потрясающее последнее «прости», агония, застывающая на одном слове *ewig*, что означает «вечность». *Ewig, ewig, ewig...* семь раз еле слышно вторит челеста чистому голосу Кэтлин Ферриер. Перед тем как наступит тишина... Страдание, созерцание, а дальше – тишина... Он вспомнил, что Малер когда-то спросил себя: а вдруг кому-то захочется покончить с собой, дослушав эту музыку до конца... «Песнь о Земле» была любимым произведением отца.

– Папа? Эй, ау!

Он остановился. Прислушался. Единственным ответом была музыка, доносившая из кабинета, с другого конца коридора. Створка двери в кабинет была чуть приоткрыта, и солнце, ярко озарявшее комнату за дверью, прочерчивало на запыленном полу коридора яркую полосу, делившую сумрак пополам.

– Папа?

Ему вдруг стало не по себе. Злобный карлик стал стучаться в грудь. Мартен подошел к двери и переступил через полосу света. Потом тихонько толкнул дверь. Музыка смолкла. Осталась только тишина.

Неужели все было намеренно так рассчитано? Ведь вряд ли удалось бы лучше все распланировать. Уже потом Мартен рассчитал, что поскольку одна сторона пластинки звучит около получаса, то отец должен был совершить фатальный жест сразу после того, как поставил пластинку, то есть примерно тогда, когда сын находился на полпути к дому. И никакой непредвиденной случайности тут не было. Впоследствии именно это ударило его сильнее всего. Отец все срежиссировал и оркестровал только для одного зрителя: для Мартена Серваса, двадцати лет от роду. Для своего сына.

Отдавал ли он себе отчет, к каким последствиям это приведет? Какую ношу он взвалит на сына?

А пока что отец сидел там, в кабинете, в кресле за рабочим столом. Все бумаги были разложены по порядку, маленькая лампа над столом не горела, и отцовскую фигуру и лицо освещало яркое утреннее солнце. Подбородком он упирался в грудь, но, судя по всему, смерть наступила, когда отец сидел прямо, положив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, словно все еще цеплялся за жизнь. Он сбрил густую щетину, заменявшую ему бороду, а волосы, судя по виду, тщательно вымыл и высушил. На нем был костюм цвета морской волны, аккуратно выглаженная бледно-голубая рубашка, которую он не надевал уже бог знает сколько времени, и безупречно завязанный шелковый галстук. Галстук был черный, словно его владелец надел траур по самому себе.

У Мартена на глаза навернулись слезы, но он не расплакался: слезы не желали вытекать наружу, так и оставшись на кончиках век.

Сервас пристально смотрел на белую пену, вытекшую из отцовского рта и оставившую несколько капель на галстуке. *Яд...* Как в древности... Как Сенека, как Сократ. *Так сказать, философское самоубийство.*

«Старый ты негодяй!» – подумал он, и у него сжалось горло... А потом вдруг осознал, что произнес это вслух, и услышал в собственном голосе бешенство, презрение и гнев. Боль накатила позже, как девятый вал, и от нее перехватило дыхание. Отец был все так же невозмутимо спокоен. В этой душной комнате Мартену всегда не хватало воздуха. Однако комок, набухавший у него внутри, куда-то исчез; может, улетел сам по себе... Какая-то часть его нематериальной сущности без остатка испарилась, растворившись в жарком воздухе кабинета, где солнце вспыхивало на золотых корешках старинных книг.

Все было кончено.

С этой минуты он оказался на передовой и посмотрел смерти в глаза. Пока ты маленький, а потом подросток, смерть тебя словно и не касается, родители ставят ей заслон, становясь первыми мишенями на твоём пути к обретению себя. Таков естественный порядок вещей. Но иногда этот порядок не соблюдается, и дети уходят первыми. А иногда родители уходят слишком рано, и тогда нам приходится в одиночку идти навстречу пустоте, которую они оставили между нами и горизонтом.

Часы на первом этаже пробили три.

* * *

– Папа, а я умру?

– Все мы когда-нибудь умрем, сынок.

– Но я буду уже старым, когда умру?

– Конечно. Очень старый.

– Значит, это будет еще очень-очень не скоро, да?

Так он говорил в восемь лет.

– Да, сынок, еще очень-очень не скоро.

– Через тысячу лет?

– Ну, почти...

– Пап, а для тебя это наступит тоже очень-очень не скоро?

– А почему ты спрашиваешь, Мартен? Это из-за Тедди? Из-за Тедди, да?

Тедди, коричневый ньюфаундленд, умер от рака за месяц до этого разговора. Его похоронили возле большого дуба, в десяти метрах от дома. Тедди был пес ласковый и игривый, но с упрямым и твердым характером. А глаза его выражали гораздо больше, чем иные человеческие. Трудно сказать, кто кого больше любил – пес Мартена или Мартен пса, – и кто из них кем командовал.

* * *

В тот день, 28 мая 1989 года, оказавшись в полном одиночестве, он глубоко вздохнул и подошел к проигрывателю. Осторожно приподняв лапку звукоснимателя, опустил иглу на бороздку и подождал, пока стихнет шипение и в комнате снова торжественно зазвучит музыка.

А потом отключил телефон – и у него возникло чувство, что больше он уже никогда не будет счастлив.

Глава 3, в которой Сервас переезжает

28 мая 1993-го. Прошло уже четыре года. Память стала подводить и обманывать, и Мартен все спрашивал себя, какие детали были достоверны, а какие он выдумал. Супружеская спальня, где он просыпался почти каждое утро последние два года, служила заслоном от атак прошлого. От непонимания, смятения, отвращения... Возвращавшихся даже через четыре года. Не поднимая головы от подушки, Мартен повернулся к радиобудильнику. Семь часов семь минут. Он в очередной раз спрашивал себя, какие же воспоминания были все-таки настоящими, когда в комнату вошла Александра.

– Ну, как ты, всё в порядке?

Она ничего не ответила. Они и вчера тоже об этом не говорили, но Александра так же хорошо, как и он, знала, какой сегодня день. Она только что вернулась из рейса Тулуза – Париж – Нью-Йорк и обратно и всем привезла подарки: для Марго – плюшевого единорога, а для него – экземпляр книги «Взгляни на дом свой, ангел» 1953 года издания, который откопала в каком-то маленьком магазинчике старой книги на Манхэттене, неподалеку от отеля. Обычно она стягивала волосы в узел-шиньон и, когда входила в комнату, несколько игривых прядей вырывались из шиньона на волю. Сказать по правде, шиньон ужасно нравился Мартену: он придавал жене до смешного серьезный вид. Но в этот день волосы у нее свободно спадали на плечи. Три дня на отдых – а потом снова в рейс, в Гонконг. А может, в Сингапур? Полжизни в самолетах, аэропортах и отелях, полжизни – с Марго и с ним. Она не раз упоминала об «особых» отношениях, которые порой завязывались между стюардессами и командиром самолета. На профессиональном жаргоне стюардесс, подпавших под обаяние пилотов, называли «племяшками». Мартен находил термин довольно-таки грубым и обидно-высокомерным. Они с Александрой часто над всем этим посмеивались, но он не мог отделаться от мысли, что и она когда-нибудь получит такое прозвище. И от этого все внутри стягивалось противным узлом. Он был далеко не дурак и прекрасно знал, что мужская половина экипажа наверняка ухаживает за ней, как ухаживали студенты на факультете, когда они познакомились. Перелеты, пересадки, отели – чем не прекрасные условия для адюльтера? Но еще он понимал, что именно так и рождаются ложные обобщения.

Где-то далеко заворчал гром. День едва наступил, а было уже жарко, и небо нахмурилось: вот-вот пойдет дождь. Александра присела на край кровати, и юбка ее высоко приподнялась. Мартен моментально этим воспользовался и принялся гладить ее колени, но она произнесла отстраненным, каким-то официальным голосом:

– Марго уже встала.

Его покоробил не столько сам ответ, сколько отсутствие разочарования в ее голосе. Ведь они целых два месяца не виделись... Но Мартен поборол желание сказать это вслух.

– Всё в порядке? – спросила она, словно желая уравновесить его недавний вопрос.

Да. Всё в порядке. В полнейшем порядке. Все супер, спасибо. Неужели он начинает ее ненавидеть? Вполне может быть... А разве можно кого-нибудь одновременно и ненавидеть, и любить? Конечно. Мартен уже собрался встать, как в комнату вихрем ворвалась двухлетняя Марго и с разбега прыгнула на него.

– Папа!

Он с благодарностью поймал на лету маленькое торнадо, и оба со смехом покатались по кровати. Ему было двадцать четыре года, и его переполняла потребность кого-то любить.

Когда в восемь пятьдесят девять Мартен входил в помещение Региональной службы судебной полиции на улице Рампар-Сент-Этьен, дождь полил как из ведра. Тот самый частый, теплый дождь, который ему так нравился. Гроза разразилась-таки. Вода стекала с мокрых волос за открытый ворот рубашки. В отличие от большинства своих коллег по бригаде криминаль-

ной полиции Сервас не носил галстука. Они, правда, все были лет на двадцать его старше и совершенно справедливо считали его желторотым. Быстрым переводом на юг Франции – проведя в Париже всего два года – Мартен был обязан своему дяде, занимавшему видный пост в центральном управлении. Поначалу тот скептически отнесся к желанию племянника поступить на службу в полицию, а потом с любопытством и немалым удивлением следил за его блестящими результатами в школе полиции в Канн-Эклюзе (ему не давалась только стрельба) и благополучным дебютом во Втором департаменте судебной полиции.

Он знал, что думают о нем некоторые старые сотрудники бригады. Что он не создан для такого ремесла. Что ему следовало бы постричься и надеть галстук (галстуки не носят только в отделе по борьбе с наркотиками). И вообще, больно он резвый. Они не понимали, почему Ковальский относится к нему с таким уважением и взял к себе под крыло, обойдя вниманием более опытных следователей.

Дождаясь лифта, Мартен стряхивал воду с длинных волос, как молодой пес после купания. А войдя в лифт, ощутил запах табака и дешевого лосьона после бритья.

Лео Ковальский. Когда Сервас впервые увидел шефа группы, ему вспомнился один из персонажей Джека Лондона: капитан Ларсен, с рыжей бородой и повадками морского волка. Ковальский обладал той же брутальной силой, авторитетом и тираническим темпераментом. Такое сравнение вовсе не было глупым: в другое время и в другом месте Ковальский вполне мог бы оказаться у штурвала какой-нибудь шхуны, отплывшей охотиться на котиков. Высоким ростом он не отличался, однако, когда оказывался в одном помещении с другими сыщиками, все сразу понимали, кто здесь альфа-самец.

Сервас удивился, когда, подъезжая к зданию полиции, увидел его красный «Кавасаки Z1». Ведь шеф сказал ему, что не появится раньше вечера. Хотя и пятница, видимо, была все-таки не такая, как обычно. На выходных частная компания собиралась перевозить мебель, досье и всяческие канцелярские принадлежности на бульвар д'Амбушюр, 23, в новое помещение Региональной службы судебной полиции. Стало быть, в конце недели все старались, насколько возможно, не производить задержаний и допросов. Что же до старшего инспектора Ковальского, то он счел, что у него куча других занятий, кроме заполнения бумагами картонных коробок. И Сервас спросил себя, что же заставило его поменять мнение. Он повесил куртку на вешалку и покосился на ярлычок, приклеенный к спинке его стула:

*Сервас
3-й этаж
Кабинет 212*

Тот же ярлычок красовался на электрической пишущей машинке «Бразер», на стоявшем напротив металлическом шкафу и на вешалке... И на больших персональных компьютерах «Делл», которые еще несколько месяцев назад приобрели про запас, но так и не запустили в эксплуатацию... На этот раз никто не собирался делать дело наполовину.

Выйдя из кабинета, Мартен направился в другой конец коридора. Уголовный розыск занимал весь этаж. Тут всегда царил хаос, но в этот день хаос обрел невиданные доселе размеры. Повсюду сновали люди, бегали парни в галстуках, кто с коробкой под мышкой, кто со стопкой досье, стараясь куда-то пристроить документы, пока не начался катастрофический бардак. В кабинетах офицеры полиции опустошали металлические кляссеры и ящики, сортируя бумаги, которые собирались вывозить, и выбрасывая ненужные в корзины, и без того переполненные, как сточные желоба во время наводнения.

Ковальский оживленно о чем-то разговаривал с Манженом, одним из следователей группы, высоким, лысым и сухопарым, что придавало ему болезненный вид. Оба подняли головы, когда Мартен вошел, и тот сразу насторожился. *Было что-то такое в их глазах...* Зазвонил телефон, и Ковальский бросился к аппарату.

– Да... я знаю... Будем! – рыкнул он в трубку, перед тем как положить ее.

Затем обернулся к Сервасу, собираясь что-то сказать, но тут телефон опять зазвонил. Он поднял трубку, послушал, ответил «о'кей!» и с остервенением бросил трубку. Телефон задребезжал в соседнем кабинете. Мартен вдруг понял, что у него учащенно забилося сердце. Что тут происходит?

– Сервас, – начал Ковальский, – ты...

– Патрон! – раздался чей-то голос из соседнего кабинета.

– Да погоди ты минутку, дери тебя черт! – огрызнулся командир группы.

Глаза его сверкали, и Мартен почувствовал, как эта лихорадка забирается внутрь, как заразная болезнь, как электрический ток. Телефон опять зазвонил, и Ковальский чуть не вырвал трубку с мясом.

– Едем! Ничего там не трогайте! Первый, кто попортит мне место преступления, будет иметь дело со мной!

* * *

– Две молодые женщины, – пояснил шеф группы. – Лет двадцати – двадцати пяти. Наверняка студентки. Может быть, сестры... Найдены мертвыми на острове Рамье. Привязаны к дереву и одеты, как... как девочки к первому причастию. Ну, или что-то в этом роде.

Сервас переваривал информацию. Двойное убийство. Две студентки. Для преступника это что-то вроде полуфинала Олимпийских игр. Не иначе как этим маскарадом и необычной мизансценой он тщательно готовит финал.

Сердце у Мартена включило четвертую скорость.

– Кто их обнаружил?

– Какой-то тип, он занимался греблей на Гаронне... – Ковальский заглянул в свои записи. – Франсуа-Режис Берко. Ты хотел знать его имя.

– А еще что-нибудь известно?

Ковальский улыбнулся. Ему нравилось, как лихо этот щенок включает мозги. Он сразу почувствовал, какой у мальчишки потенциал. И манера рассуждать у него нестандартная, хотя в их ремесле это одновременно и преимущество, и помеха.

– Пока ничего.

– Мизансцена... – вслух подумал Сервас.

Ковальский погладил бороду, и на лице его появилась тигриная ухмылка. Ухмылка голодного тигра.

Он повернулся к Манжену.

– Что, мерзость, да? – предположил тот, двумя пальцами печатая что-то на машинке.

– Ага, так и есть. Мерзость. Дрянное дело.

Снова ожил телефон, и Сервас заметил, как отчаянно он звонит. Наверное, дает понять старой гвардии, чтобы не спали. Ковальский выслушал, коротко бросил «спасибо», положил трубку и встал. Затем быстро схватил свою потертую кожаную байкерскую куртку, открыл ящик стола и достал оттуда блокнот и табельное оружие.

В следующий миг он приблизил свою физиономию бородатого фавна к лицу Мартена, и на того пахло сигаретой и мерзким кофе из автомата.

– Это твое первое настоящее дело; можно сказать, первая брачная ночь, несмышлениш. Так что слушай, наблюдай и учись.

Глава 4, в которой исчезает крестик

Итак, кошмар, которому суждено было продлиться двадцать пять лет, явился в образе двух девушек в белых платьях. В этот день дождливое небо затянуло серым всех оттенков: от жемчужного до почти черного на западе, откуда надвигались тучи. Такое небо не сулило никакой надежды на пощаду. Ливень уже стрекотал по крышам автомобилей, когда они припарковались на маленькой университетской стоянке, и провожал прибывших до самой ленты ограждения, помечавшей охранную зону в небольшом лесу на юге острова. За лентой полицейские лихорадочно пытались натянуть тент, чтобы защитить место преступления от проливного дождя. В ожидании, пока им это удастся, еще двое стражей порядка раскрыли над мертвыми телами два зонтика. Тент вдруг надулся, как парус, и вырвался из рук, которые его держали, чтобы закрепить веревки за ствол дерева. Полицейские побежали за ним вдогонку. Не обращая внимания на всю эту суету, техник щелкал фотоаппаратом, и бледные отсветы вспышек выхватывали тела, промокшую одежду, мокрые стволы деревьев, раскисшую землю, струи дождя и темные силуэты полицейских в форме. Сервас подумал, что в такую погоду невозможно не попортить место преступления.

Едва прибыв, Ковальский попытался навести хоть какой-то порядок в этом бардаке и установить иерархию, которая «по умолчанию» необходима на каждом месте преступления. Для начала он отчитал одного из стражей порядка, кутившего рядом с трупами; у этого молодого парня покраснели глаза, и он весь трясся, как осиновый лист. Потом принялся за тех, кто воевал с тентом, пока промокшую ткань наконец не удалось закрепить за дерево. Велел натянуть еще два дополнительных тента, не столько от непогоды, сколько от бестактных взглядов вездесущих зевак, по большей части студентов, обитавших в кампусе, и от объективов прессы. Полицейскому фотографу Ковальский сказал, что ему будут нужны общие планы, снимки со среднего расстояния и крупные планы, и приказал еще сфотографировать собравшуюся толпу и номерные знаки всех автомобилей на стоянке кампуса.

Что же до Серваса, он не в силах был отвести глаз от той абсолютной жути, что открылась ему там, под ливнем, среди деревьев. Резкие вспышки фотоаппарата придавали телам девушек какую-то тревожную, гипнотическую притягательность. Казалось, они вот-вот очнутся, поднимут головы и посмотрят на него мертвыми глазами.

Ковальский махнул ему рукой, и они зашлепали по грязи к судебному медику, стараясь не затоптать оставшиеся следы, но во всей этой неразберихе их попытка так и осталась всего лишь благим намерением.

– Привет, инспектор, – не оборачиваясь, бросил доктор, сидевший на корточках возле тел.

– Салют, тубиб³, – ответил Ковальский. – Теперь станут говорить, что вам испортили выходные.

– Я еще счастливо отделался: у меня дочка выходит замуж в следующие выходные, а не в эти.

Судебный медик отвел волосы одной из жертв и направил луч фонаря на ее затылок, сочащийся какой-то жидкостью. Сервас слотнул. Намокшие длинные волосы и совсем еще детское лицо этой девушки в маскарадном костюме наводили на мысль о зловещей кукле в человеческий рост. В свете фонаря ясно различалась малейшая капелька воды на ее наивном личике, каждый прыщичек, каждая деталь. Вот длинные светлые ресницы, словно жемчугом, обсыпанные дождинками... И кажется, они вот-вот дрогнут. В следующую секунду у Мартена и вправду возникло впечатление, что она собирается открыть глаза.

³ Тубиб – врач, доктор (разг.).

– Ну, что? – спросил Ковальский.

– Минуточку...

Доктор встал, и оказалось, что ростом он ниже всех присутствующих. Зато его окружал ореол авторитета. Клас, так звали медика (Клас и Ко, или еще «два К», как между собой их называли в бригаде) повернулся, чтобы осмотреть второе тело, расположенное напротив первого метра в трех.

– Если исходить из того, что я здесь вижу, и не делать поспешных выводов, то тот или та, кто это сделал – хотя гипотеза, что это была женщина, маловероятна, судя по силе удара, – подждал обеих девушек. Он зашел сзади и очень сильно ударил по затылку вот эту, – он указал на ту, кого уже осмотрел и чье лицо не было разбито. – Она, должно быть, сразу потеряла сознание. Другая обернулась, и он стал бить ее по лицу... А потом просто съехал с катушек. А вот почему – это вы должны мне сказать.

Клас протер стекла своих очков, присел на корточки перед телом второй девушки и осторожно приподнял ее подбородок пальцами в перчатках. Сервас почувствовал, как адамово яблоко застряло у него в горле. Он на секунду отвел взгляд, а потом снова посмотрел на этот распухший, изуродованный кусок плоти. Девушку не просто убили, она стала мишенью для чьей-то озверелой, совершенно невменяемой ярости. Нос, зубные дуги и скулы раздроблены ударами, точнее, раздавлены, как картофельное пюре в давилке. Ни глаз, ни ресниц совсем не видно под опухшими веками, половина зубов вылетела от ударов. Зрелище было настолько ужасное, что никакое рациональное объяснение к нему не подходило. Сыщикам открылся образ оскверненной жизни, настоящий плевок в лицо человечеству. Сервасу стало одновременно и жарко, и холодно, словно голова пылала в огне, а желудок набили ледышками. Ноги вдруг потеряли устойчивость, и он испугался, что вот-вот грохнет в обморок. Прежде чем заговорить, Мартен набрал в грудь побольше воздуха.

– А почему этот тип так взъярился лишь на одну из девушек? – спросил он и понял, что голос его прозвучал надтреснуто и фальшиво, как струна расстроенной гитары.

Ковальский повернулся и внимательно на него посмотрел. Очевидно, его занимал тот же вопрос. И Сервас констатировал, что вид у шефа уже не такой бодрый и элегантный, как раньше.

– Изнасилована? – спросил он.

Судебный медик приподнял подол ее платья.

– Нет, не думаю... во всяком случае, видимых следов сексуального насилия не наблюдается. Вскрытие либо подтвердит это, либо нет.

Сервас увидел, что начальник тоже присел на корточки возле девушки и затянутыми в латексную перчатку пальцами вытащил из-под кровавого месива ее лица деревянный крестик, который она носила на шее.

– Платье для первого причастия, крестик... – Ковальский обернулся к доктору. – А почему на другой крестика нет?

– Идите-ка сюда, посмотрите...

Это голос медика... Клас был уже возле первой жертвы, это у нее он только что осматривал затылок. Сервас и Ковальский подошли к нему и наклонились, когда он снова приподнял ее мокрые волосы.

– Видите?

Тонкая белая шея была покрыта засохшей кровью. Запекшаяся кровь отливала черным в свете фонарика, но снизу на шее виднелась более светлая полоска телесного оттенка. Горизонтальная линия светлой кожи шириной в несколько миллиметров посреди черного пятна.

След от веревки или цепочки... Точно такую же, с крестиком, носила и другая девушка.

Ковальский опустился на корточки возле жертвы, а когда поднял лицо и посмотрел на сотрудников, у него хищным огоньком сверкнули глаза.

– Крестик сняли, – констатировал он. – Причем сняли, когда кровь уже запеклась. Черт побери, кто-то сорвал его, когда девушка была уже мертва.

– А может, убийца вернулся за ним, чтобы оставить себе как сувенир? – предположил Мартен.

Ковальский метнул на него суровый взгляд.

– Это тебе не эпизод из сериала «Коломбо». Тут можно выдвигать какую-то гипотезу, лишь имея под ней достаточно веские основания.

Сервас запомнил это как изречение.

– А гипотеза парня не так уж и глупа, – возразил судебный медик.

Ковальский с раздражением мотнул головой в сторону студентов, сгрудившихся за ограждением.

– Ага, конечно, нас опередил какой-то извращенец, пожелавший напавал сразить свою подружку или приятелей... Или у кого-то был только один крестик, а тут он разжился запасным. А почему он выбрал именно эту девушку, а не другую? И зачем эти платяца для первого причастия? И почему взял только один крестик? *Почему, почему, почему...* Да ёж вам в карман!.. Когда начинаешь вот так строить гипотезы, то выходит, что ты закрыл дверь, вместо того чтобы открыть. И не надо болтать попусту...

Начальник вытер мокрое лицо. Вид у него был усталый; лицо побледнело, как гипсовое. С улицы Рампар-Сент-Этьен доносился шум, который вот уже несколько лет не давал спать Лео Ковальскому. Может, виной всему эти мертвецы? Про него говорили, что он пьет, шляется по ночным барам и якшается с проститутками. Он повернул к Сервасу залитое струями воды лицо и рыжую бороду, всю в каплях дождя, и тот прочел в глазах патрона немой вопрос. Со всех сторон их окружала всепроникающая сырость, она забиралась под куртки и рубашки; с речной протоки несло грязью и болотом. На них со всех сторон были направлены перекрестные лучи фонарей, и деревья в их резком свете выглядели как освежеванные, что придавало всей сцене какое-то неестественное напряжение. Она напоминала театр военных действий, поле боя, а скорее – съемочную площадку, где они были солдатами и сражались с невидимым неприятелем.

– Ну как, ты в порядке? – спросил наконец Ковальский, и его слова эхом отозвались в сознании Серваса: точно такой же вопрос несколько часов назад задавала ему Александра.

Вот уж точно, 28 мая – проклятый день. А он на секунду об этом совсем забыл...

– В порядке, – соврал Мартен.

Он заметил, что шеф внимательно на него смотрит: видно, его не проведешь. А когда тот положил руку ему на плечо, Сервас, как ни странно, почувствовал признательность.

* * *

– Папа, а Тедди на небе?

– Не знаю, сынок.

– Ты не знаешь, Тедди на небе или нет?

– Я не знаю, есть ли вообще то самое небо. Это уж точно не наше небо.

– Тогда где же Тедди?

– Нигде.

– А нигде – это где?

– Нигде и есть нигде.

– Но Тедди же где-то есть, папа.

– Нет, сынок, Тедди больше нет, вот и всё.

И после этих слов тогда тоже хлынул ливень.

* * *

– Время смерти? – поинтересовался Ковальский.

Вместо ответа Клас приподнял правую руку жертвы, которую он уже назвал «А», и осторожно встряхнул, как ребенок, который играет с куклой.

– Час тому назад температура обоих тел была двадцать девять с половиной. Иными словами, наступила «промежуточная фаза быстрого снижения температуры». Нам, господа, крупно повезло. Очень крупно. Это идеальный момент. Окопчение началось, но не завершилось. Могу сказать, что смерть наступила от восьми до десяти часов назад, то есть приблизительно от полуночи до двух часов ночи. Но не будем спешить с выводами. Прежде всего, проклятая сырость ускоряет снижение температуры, да и обе девушки были довольно легкие, а малый вес способствует тому же. Этот расчет базируется на исходной температуре в тридцать семь и две десятых. Но они были легко одеты и, возможно, употребляли алкоголь, если шли с вечеринки. Температура тела перед смертью могла у них слегка повыситься, даже если на улице просто было тепло. Короче, тут в два счета можно ошибиться. Но наше преимущество в том, что у нас два тела. И если у них одинаковая температура, то велика вероятность того, что ошибки нет. Я все равно в течение трех часов отправлю их в институт: внутренняя температура органов скажет нам больше. Но даю руку на отсечение, что их грохнули нынче ночью, сразу после полуночи.

Ковальский, похоже, был доволен разъяснениями.

– Их перетаскивали?

– Да, тащили вон оттуда, там на земле много крови. Причем тащили сразу после убийства, может, даже еще не связали, поди узнай... Это потом он – или она – привязал их к деревьям. Трупная синюшность указывает на то, что их больше не трогали с места и они оставались в одной позе...

Ковальский старался все записывать в свой блокнот, но страницы намокли и разбухли. Он поскреб бороду и сказал:

– Платья. Все-таки они пришли не в этой одежде... – Повернулся к Манжену, который только что подошел к ним. – Надо бы узнать, не было ли у студентов в эту ночь вечеринки или костюмированного бала. Обойди все факультеты, осведомись на всех дискотеках. – И снова обратился к доктору: – А вы как думаете, тубиб, платья были надеты до или после?

– Если хотите знать мое мнение, то это убийца надел их на девушек. После того как избил и убил. В противном случае на одежде было бы гораздо больше крови.

– Спасибо, док.

* * *

Франсуа-Режис Берко, инженер, нашедший девушек, стоял в сторонке, под тентом, и отвечал на вопросы командира отделения жандармерии. Когда они подошли, Ковальский сделал бригадиру знак, что всё в порядке и дальше допрос он поведет сам. Сервас заметил, что бригадиру это не особенно понравилось, но приказы Ко не обсуждались.

– Господин Берко? Ну как вы? У вас такой вид, словно вы дрожите от холода.

Инженер-химик смерил их взглядом.

– Я торчу тут уже два часа. У меня промокли ноги, и меня знобит, – сказал он, одергивая тенниску. – Это одежда для занятий спортом, а не для стояния под ливнем. Если так будет продолжаться, я схвачу воспаление легких. Я ведь уже дважды ответил на все ваши вопросы.

Он плотнее закутал плечи в одеяло, которое ему принес один из охранников, – видимо, надеялся, что этот жест положит конец дискуссии.

– Я знаю. Это очень утомительно. – Ковальский сразу заговорил понимающим тоном. – Еще несколько вопросов – и вы сможете вернуться домой, договорились?

Франсуа-Режис Берко кивнул.

– Господин Берко, был ли еще кто-нибудь на берегу, когда вы обнаружили девушек?

– Нет.

– Вы никого не видели?

– Нет.

– Вы часто совершаете такие прогулки?

– По меньшей мере, два раза в неделю.

– И всегда двигаетесь одним маршрутом?

– Э... Да.

– А раньше вы когда-нибудь видели этих двух девушек?

Берко вытаращил глаза.

– Что? Нет!

– Значит, вы с ними незнакомы?

– Я уже сказал: нет.

– А где вы были прошлой ночью, господин Берко?

На этот раз тот бросил на следователей взгляд, в котором промелькнуло непонимание.

– Как вы сказали? Что?

– Где вы были прошлой ночью?

– Дома.

– Один?

– Нет, с женой.

– А после полуночи?

– Я спал.

Тон его делался все более раздраженным.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

Глаза Берко перебежали с одного полицейского на другого, и Сервас прочел в его взгляде растущее недоумение и замешательство.

– Что за идиотские вопросы? Что это вы...

– Пожалуйста, отвечайте, господин Берко.

– Моя жена!

– Вы хотите сказать, что она поминутно просыпалась?

Теперь на лице Берко отразилась смесь негодования, растерянности и гнева.

– Нет! Конечно, нет! Она спала! Рядом со мной... Но это же, в конце концов, смешно.

Что за...

– В котором часу она заснула?

– Не знаю! Может, в одиннадцать, может, в полдвенадцатого...

– А в котором часу встала?

– В шесть часов.

– Вы уверены?

– Да, да, я уверен! Она ставит будильник. Послушайте, не нравятся мне все ваши вопросы. Я...

– Она принимает снотворные?

– Нет!

– Вы живете далеко отсюда, господин Берко?

– Нет, это просто смешно. Если б я знал...

– Пожалуйста, отвечайте.

– Нет, черт побери! Всего четверть часа на машине. Это вас устраивает?

- А где сейчас стоит ваша машина?
- На стоянке возле клуба.
- Гребного клуба?

Берко внезапно выбился из сил и почувствовал себя совершенно опустошенным. Как боксер, что повис на канатах ринга и потерял всякое желание биться дальше.

- Гребного. Меня уже об этом спрашивали... ваши коллеги. А потом велели прийти сюда.

Интересно, как я отсюда выберусь? Пешком...

- У вас есть дети, господин Берко?
- Маленькая дочка трех лет... Но я не вижу...
- А вам сколько лет, господин Берко?
- Тридцать два.
- Вы встречаетесь со студентками?
- Что?..
- С кем-нибудь из студенток вы знакомы?

– Знаком?.. Э... Нет, нет... Разве что с племянницей... Но это моя племянница, черт возьми!

- И больше ни с кем?
- Нет!
- Вы уже здесь когда-нибудь бывали?
- В каком смысле?
- В этой части острова. Пешком или на машине...
- Нет!
- Никогда?
- Да нет же! Ну, как вам еще объяснить? Теперь я могу наконец поехать домой?

– Благодарю вас, у меня больше вопросов нет, – сказал Ковальский, знаком подозвав одного из своих людей. – Однако, господин Берко, домой поехать вы не сможете. Я попрошу своего коллегу, чтобы он отвез вас в комиссариат для дачи показаний под протокол. И пока не советую вам общаться с прессой.

- Да пошли вы...

* * *

В тот момент, когда Берко отходил от них, сверкнула вспышка. Ковальский обернулся, Сервас тоже. Фотограф, прорвавшийся на место преступления сквозь ограждение, выглядел словно только что из вырезателя: мятый, весь в пятнах, жилет, всклокоченные волосы и восьмидневная щетина.

- Пейроль, а тебе чего тут надо?
- Салют, Лео.

– Вали отсюда, – бросил Ковальский. – Тебе тут, за ограждением, делать нечего. Я ведь могу тебя за это и задержать.

- Seriously?

Похоже, эта идея позабавила журналиста. Он провел свободной рукой по густой шевелюре. На вид Сервас дал бы ему лет пятьдесят: в бороде у него уже посверкивала седина, под глазами обозначились солидные мешки. Он вытягивал шею, пытаясь получше разглядеть место преступления, но Ковальский загородил ему видимость и крепко взял за руку, чтобы вывести за ограждение.

– Ну, скажи хоть что-нибудь, – взмолился репортер. – Иначе мне придется присочинить, и будет только хуже. Ну давай, ну хоть крошечку информации, Ко...

- Будет же пресс-конференция, – отвечал тот.

– Когда?

– Скоро. Я знаю не больше твоего.

Журналист надулся, как обиженный ребенок.

– А вид у тебя встревоженный, – сказал он. – Что, так уж совсем ничего нет? Даже для меня?

Ковальский приподнял ленту ограждения, и журналист поднырнул под нее и вышел из охранной зоны. Следователь закурил сигарету и внимательно, прищурившись, как настоящий морской волк, посмотрел на этого чокнутого парня:

– Даже не вздумай меня надуть, понял?

– Слово Пейроля.

– Две девушки лет двадцати, возможно, студентки. Забиты насмерть. На них были белые платья.

– Изнасилованы?

– Видимых следов насилия нет... Вскрытие покажет.

– А еще что-нибудь?

Пейроль лихорадочно записывал.

– Их привязали к деревьям...

– Давно?

– Нет. Нынче ночью.

Ковальский повернулся к нему спиной. Сервас заметил, что про крестик он не сказал ни слова, и спросил себя, долго ли им удастся держать эту информацию в тайне.

– Спасибо, приятель! – крикнул им вслед журналист.

* * *

Было одиннадцать с небольшим, когда Ковальский собрал людей и снова раздал задания.

– Надо заняться обследованием окрестностей кампуса, – сказал он. – Все говорит о том, что девушки были студентками.

Он достал снимки нетронутого лица, сделанные «Полароидом».

– Вовсе не будет лишним, если какая-то часть студентов узнает, что произошло. Сегодня пятница, и вечером многие разъедутся по домам. Надо действовать быстро. Я позвонил в техническую службу, чтобы они заготовили афишку с этой фотографией и номером телефона. Она послужит приглашением для свидетелей. Ее надо расклеить повсюду: на факультетах всех трех университетов – «Поль Сабатье», «Ле Мирай» и «Капитолий» – и во всех институтах. Мартине, ты расклеишь афишки и будешь отвечать на звонки. Остальные разделятся на группы по двое, группа на этаж. Сервас, ты пойдешь со мной. Вопросы есть?

Ковальский окинул группу инквизиторским взглядом. Вопросы, несомненно, имелись, но Мартен уже усвоил, что Ко прохладно встретит любой «идиотский» вопрос, а задавшему он может стоять хорошей вздрючки. А потому даже толковые вопросы в группе предпочитали не озвучивать. Ковальский взглянул на часы.

– Через пятьдесят минут встречаемся в холле. Время пошло.

Сервас почувствовал, как заколотилось сердце. Он не переставая думал об убитых девушках. О разбитом лице одной и невредимом – другой. Об исчезнувшем крестике. И вдруг, на уровне инстинкта, как лесная мышь чувствует опасность, понял, что они ввязались в битву с непроглядным мраком и битва эта продлится долго.

Глава 5, в которой снова говорится об Алисе и Амбре

В это пятничное утро большинство дверей, в которые они стучались, оказались закрыты. Студенты были на занятиях. А первые ответы, полученные из открывшихся дверей, ничего не дали. Обитатели комнат либо с кем-то встречались, либо спали, либо занимались любовью. Кто-то ругался с соседями из-за постоянного шума, кто-то усердно занимался, уткнувшись в книги, в надежде, что диплом послужит ключиком к лучшей жизни. Но друг с другом они общались мало. Дружба завязывалась в других местах: в аудиториях, кафе, ночных клубах, между земляками, приехавшими из одного города или из одной деревни.

Кампус представлял собой один огромный дортуар. Причем дортуар довольно обветшалый: стены все в желтых потеках, краска облупилась, а в конце коридора по грязному напольному покрытию стучали капли дождя, потому что окно было разбито. Они уже обошли больше пятнадцати комнат и не получили ответа, еще в трех комнатах никто ничего не знал, и теперь они стояли на пороге четвертой, которая перед ними открылась. В дверном проеме возникло худенькое, бледное мальчишеское лицо, увенчанное огненно-рыжей нечесаной шевелюрой; казалось, вокруг него полыхает пламя. А неестественно светлые глаза в обрамлении рыжих ресниц смотрелись почти белыми. Комната за спиной у парня тонула в полумраке.

– Да?

– Здравствуйте, ваше имя?.. – сказал Ковальский.

В бесцветных глазах коротко сверкнула искра досады и недоверия.

– А ваше? Вы кто?

Ковальский, видимо, ожидал такого ответа, а потому изобразил самую обаятельную из своих улыбок:

– Региональная служба судебной полиции Тулузы. Можно задать вам несколько вопросов? – осведомился он, предъявив жетон.

– На какую тему?

Рыжий не до конца открыл дверь своей комнаты, и Ковальский, ни секунды не прячась, вытянул шею, чтобы туда заглянуть.

– Можно войти? Но может быть, вы выйдете в коридор, если вам так удобнее? Однако, пожалуйста, откройте дверь полностью.

– Послушайте... А можно чуть позже? Я уже опаздываю, и...

– **КОНЧАЙ ЭТУ ПЕСНЮ С ОПОЗДАНИЕМ И ОТКРОЙ СВОЮ ДОЛБАНУЮ ДВЕРЬ, ПАРЕНЬ!**

Сервас увидел, как парнишка еще больше побледнел, если только возможно еще побледнеть с такой белой, покрытой веснушками кожей. Было в его манере держаться что-то скользкое и скрытное, и это сразу заставляло насторожиться.

– Хорошо...

Рыжий шагнул в коридор. Из двери пахло знакомым запашком. Тот же запах сопровождал и самого парнишку. Ковальский поднял лицо, ноздри его расширились.

– А что, у вас разрешено курить гашиш в комнатах?

Он заглянул студенту в глаза. Тот быстро удостоверился, что в коридоре больше никого нет, опустил голову и устался себе под ноги. Ковальский оглядел полутемную комнату.

– Не рановато для косячка, а? Как тебя зовут?

Сервас заметил, как участилось у парнишки дыхание.

– Седрик.

– Седрик, а дальше?

– Домбр.

– Сколько тебе лет, Седрик Домбр?

- Двадцать.
- И что ты изучаешь?
- Медицину. Третий год.

Ковальский покачал головой и ничего не сказал. Он был удовлетворен. Потом медленно, с видом фокусника-гастролера, вытащил из кармана фотографию.

- Посмотри хорошенько на это фото, Седрик Домбр. И не вздумай меня дурачить, понял?
- Ага.
- Ты знаешь эту девушку?
- Да.

Сервас почувствовал, как у него сильно забилось сердце. Ковальский ждал, что последует дальше.

- Это Алиса.
- Алиса... а фамилия?
- Не знаю... просто Алиса... Она на факультете современной литературы, я так думаю.

Ее комната вон там.

Он указал на дверь в середине коридора.

- Какой номер? Тридцать третий или тридцать пятый?
- Тридцать пятый. А в соседнем живет ее сестра, Амбра. Она на медицинском, как и я.

Разговор вдруг прервался. Взгляды полицейских были направлены на парня. Дождь стучал по разбитому окну в коридоре; с нижнего этажа доносились чьи-то голоса – видно, кто-то поднимался по лестнице.

– Она похожа на сестру? – спросил Ковальский голосом, который сразу стал глуше, сдержаннее и осторожнее.

– Они очень похожи, приятель. Их все принимают за близнецов, но на самом деле они погодки. – Рыжий постучал по фотографии пальцем. – Видите, один и тот же цвет волос, одна и та же стрижка, и фигурами они похожи.

Потом до него, похоже, дошло, что что-то тут не так, что-то случилось. Он пристально посмотрел на полицейских, переводя взгляд с одного на другого.

– А что? С ними что-то произошло?

В 11.27 с помощью охранника, прибежавшего бегом, им удалось попасть в комнату № 35.

Дождь слезами стекал по окну. Маленькую комнату с душем озарял свет серого непогожего дня.

Ковальский бесшумно вошел первым, Сервас – за ним следом.

Подойдя к окну, он увидел, что оно выходит как раз на небольшой лесок на юге острова, и заметил внизу, между деревьями, мигающий свет полицейских машин. Он был похож на искрящую зажигалку, которая не желает загораться. Сервас отвернулся от окна и заметил на маленьком столике фотографию: по всей видимости, Алисы и Амбры. Обе сестры действительно были очень похожи: белокурые, узколицые, с огромными, на все лицо, глазами... Очень милые, без всякого сомнения. Но что-то в их глазах, в манере смотреть в объектив, привлекло его внимание... Но что?

Ковальский, тоже взглянув на фото, опустил его в прозрачный пакетик.

А Сервас тем временем осматривал аккуратно застеленную кровать и ночной столик. От него не укрылся безупречный, почти спартанский порядок и то, как Алиса умудрялась использовать каждый сантиметр крошечного пространства. Он старался дышать спокойнее и отогнать дурное предчувствие, которое вызывала комната уже умершей девушки. Алиса не придет больше на занятия, не сядет за этот стол, не рассмеется и не поболтает с подружками.

На стене висел большой постер с надписью:

ACHTUNG BABY,
IT'S U2 IN PARIS

МАУ07, 1992⁴

И фотография группы на концерте. Сервас о такой даже никогда не слышал.

Полицейские заглянули под кровать, в выдвижные ящики стола, но долго осмотром не занимались. Более подробно они все изучат потом, сейчас неотложное дело звало их в совсем другое место.

Они вышли из комнаты и подошли к другой двери, возле которой их дожидался охранник, маленький, сухонький, лысенький, с кустистыми черными бровями и глазками, похожими на пуговицы. На очень черные пуговицы. Именно эти глазки-пуговицы и заставили их поторопиться.

– Взгляните, – сказал охранник, указав на замок и дверную раму.

Сервас увидел, что от рамы отлетело несколько мелких щепок.

Дверь была взломана...

В противоположность комнате сестры комната Амбры была погружена в полумрак. Ковальский щелкнул выключателем, и они на миг застыли на пороге. Здесь царил полный хаос, не то что в комнате Алисы. Одежда, книги, кассеты, CD-диски, тетради, брошенные как попало, устилали пол и неубранную кровать. На ночном столике и на рабочем столе громоздились в беспорядке листки бумаги, исписанные неровным почерком. Еще Сервас заметил чайную чашку, превращенную в пепельницу и до отказа набитую окурками со следами красной помады, и пиалы, заполненные разноцветными резинками, булавками и дешевой бижутерией. По полу разбросаны джинсы, лифчики, трусики и пустые пивные бутылки... В комнате Алисы ничем не пахло, а в комнате Амбры стоял запах табака, парфюма и пива. Стены сплошь покрывали постеры и фотографии. Сервас прочел названия групп: «Нирвана», «Ганз'н'Роузиз», «4 Нон Блондс». Как и на афише в комнате Алисы, названия ему ни о чем не говорили, но он был уверен, что их старые поклонники на филологическом факультете эти группы узнают.

Осматривая туалет, Мартен нашел в раковине длинный светлый волос. Он обернулся – и чуть не налетел на Ковальского.

– Мартен, – сказал тот, пристально глядя на Серваса и чем-то размахивая.

⁴ «Внимание детка, “Ю-ту” в Париже, 7 мая 1992 года». «Achtung Baby» – название альбома ирландской рок-группы «Ю-ту».

Глава 6, в которой наступает тишина

Они пересекли границу между департаментами Верхняя Гаронна и Жерс всё под тем же проливным дождем. Наперекор ливню, который что есть силы барабанил по ветровому стеклу, автомобиль Ковальского, двухлитровый «Рено 21 Турбо», мчался со скоростью, которая явно не вызвала бы одобрения у сотрудников дорожной службы, если б хоть один из них оказался на шоссе.

– Ну, так что скажешь? – спросил шеф у Серваса. – Что же все-таки произошло, как по-твоему?

Тот немного подумал, прежде чем ответить.

– Что сказать на этом этапе расследования? Произойти могло что угодно... Убийство из ревности, когда ссора зашла слишком далеко, дело рук какого-нибудь психа, а может, девушки просто оказались не в том месте и не в то время...

– Но больше похоже на преднамеренное убийство, так?

Мартен кивнул.

– Да, эти платица для первого причастия, несомненно, на них надели потом...

– Разве только они не шли с какой-нибудь вечеринки, – уточнил Ко, сворачивая с шоссе № 124 на местную дорогу. – Просто не сняли карнавальные костюмы. Другую их одежду не нашли... Что еще?

Сервас снова подумал.

– *Что-то тут все-таки не вяжется.*

– Ну-ка, ну-ка...

– У них в комнатах нет никаких примет религиозности. Ничего. Ни крестов, ни Библии. Тогда к чему эти наряды, к чему деревянный крестик? К чему вся мизансцена? И потом, в комнате Амбры дверь взломана, а в комнате Алисы – нет.

– Может, тот, кто их убил, был религиозен. И не одобрял их поведения. Я хочу, чтобы ты в ближайшие дни занялся личностями сестер. Покопайся-ка в их жизни. Выясни, с кем они общались, о чем думали, куда ходили. Ты заметил, как различаются их комнаты?

– Заметил. Комната Алисы очень аккуратная, даже чересчур. А в комнате Амбры настоящий бардак.

Теперь они катили по дороге, петляющей среди залитых дождем холмов, и Сервас увидел, как плотная стена дождя движется над полем, напоминая ряды пехотинцев XIX века. Фермы и рощицы выплывали из серой пелены и снова тонули в ней, как на пейзаже в серых тонах. И ни одной живой души.

Ковальский подал голос:

– Это департамент Жерс, меньше тридцати жителей на квадратный километр. Если считать, что состояние комнат девушек есть отражение их личностей, то это означает, что внешне они были очень похожи, а вот внутренне – совсем необязательно. Или нет?

Сервас знал, что это «или нет?» в конце каждой фразы вовсе не является вопросом, ибо у шефа на все имелось собственное мнение. Просто этой присказкой он побуждал собеседника продолжить разговор.

– А ты к какому выводу пришел? – спросил Мартен шефа.

– Пока ни к какому, – ответил Ко. – Ты же сам сказал: еще слишком рано делать выводы.

Двадцать минут спустя они въехали в деревню. И на площади перед церковью, напротив памятника павшим, сразу заметили почтальона, который воевал с мопедом, не желавшим заводиться. Дождь барабанил по его непромокаемому плащу. Надвинув капюшон до самых глаз, почтальон обернулся и взглянул на полицейских. Сервасу на миг померещилось, что из-под капюшона на него глянуло призрачное лицо, застывшее в крике. А потом оптическая иллюзия

рассеялась, и он понял, что человек не только не кричал, но и вообще на них не смотрел. Эта галлюцинация, наверное, возникшая из-за дождя, вызвала у него приступ дурноты.

Перед самым выездом из деревни дорога разделилась, и они поехали налево. Дом Остерманов был предпоследним.

Амбра и Алиса Остерман. В ящике стола во второй комнате Ковальский нашел паспорт с фамилией.

А потом они позвонили в ректорат и узнали адрес.

На фоне набухших дождем облаков серый дом выглядел мрачно. Сервас отметил про себя, что в этом районе все дома такие. Ну почему не выкрасить фасады синим, желтым, зеленым или красным? Когда ему было восемь лет, он ездил с родителями в Эльзас и был поражен этим взрывом ярких цветов на улицах. Дома там словно сошли со страниц сказок Андерсена.

Они уже выходили из машины, когда дождь вдруг кончился. А в следующее мгновение из-за туч выглянуло солнце, и его лучи ласково коснулись лиц. Заржавевшие железные ворота закрипели, когда их толкнули. Полицейские прошли по посыпанной гравием дорожке и нажали маленькую стальную кнопку звонка. Сервас заметил, что водостоки вокруг крыши переполнены и переливаются через край.

В прихожей их встретили оленья голова на стене и два встревоженных лица.

– Мадам и месье Остерман? – осведомился Ковальский ничего не выражающим голосом.

– Да...

* * *

Выглянувшее солнышко нарисовало на полу гостиной и на протертом до дыр ковре квадраты окон, разделенные на четыре части оконным переплетом. И в этом свете была видна каждая черточка лиц родителей, только что получивших страшное известие. Лицо матери, с покрасневшими, полными слез глазами, выражало только беспредельную боль. Зато на угрюмом лице отца к боли присоединился гнев: и на убийцу, и на полицейскую систему, не сумевшую защитить его дочерей.

Оба сидели, тесно прижавшись друг к другу, на диване, покрытом шотландским пледом, а полицейские расположились напротив в старых, продавленных креслах. Отец обнимал мать за плечи, но чувствовалось, что каждый погружен в *свою* боль. В один миг разрушилась их семья, четыре жизни были разбиты и разгромлены до самого основания. И Сервас подумал, что от них остались разве что разрозненные кусочки, которые никогда уже не удастся соединить.

Родителям было уже около шестидесяти – девочки родились довольно поздно, – и Сервас представлял себе, какая пропасть их разделяла. Обычно лицо отца, с синими, немного водянистыми глазами, мясистым носом и седеющими бакенбардами, наверное, было жизнерадостным, но сейчас горе изменило его до неузнаваемости. Глядя на мать, белокожую блондинку, можно было сразу догадаться, от кого девушки получили в наследство свою красоту. А сейчас она промокала распухшие от слез глаза мокрым платком, и щеки у нее дергались, словно страдание впивалось в них острыми когтями. Время от времени она начинала сотрясаться от рыданий, и тогда муж крепче обнимал ее и легонько встряхивал, уговаривая прийти в себя, и она немного успокаивалась. Сервасу никогда не приходилось видеть такое неизбывное, невыносимое горе – разве что у отца на кладбище, когда хоронили мать. Но с того дня прошло уже десять лет, и воспоминание как-то размылось. Только одно Мартен помнил четко: странное ощущение, что он, маленький мальчик в нарядном костюмчике, стал вдруг центром внимания и все хотят его обнять и приласкать... Все, кроме одного человека, к которому он сейчас прижался бы всем телом, но этот человек был погружен в свою боль.

На подоконнике, там, где пылинки танцевали в солнечном луче, стояла фотография семейства в полном составе. Девочкам на этом фото лет шесть-семь, и все выглядят такими

счастливыми... Сервас подумал, что нет ничего обманчивее, чем семейные фотографии. В оконное стекло с жужжанием билась муха, и этот звук лишь подчеркивал наступившую тишину.

– А можно осмотреть спальни девочек? – мягко спросил Ковальский.

Стиснув зубы, отец кивнул и встал. Он подвел полицейских к узкой лестнице, но подниматься не стал, только положил ладонь на руку Ко и сказал:

– Послушайте, а жандармы вам не...

– Потом, – перебил его шеф. – Куда идти?

– Там, наверну... две двери справа. Та, что в глубине, это ванная. Та, что слева, – наша спальня.

* * *

Сервас подошел к окну. Палисадники с другой стороны дома были залиты солнечным светом. Маленькие участки земли, разделенные лохматой живой изгородью, параллельно спускались по пологому склону к реке, пробивавшейся сквозь густую зелень берегов. Он заметил небольшой лесок на той стороне, оранжевые пластиковые качели, металлический стол, садовые стулья, такие же заржавевшие, как и ворота, и десяток горшков с цветами, кое-как расставленных на усеянной одуванчиками траве.

В соседнем палисаднике какой-то человек срезал сочные лавровые листья. На нем была засаленная тельняшка без рукавов, открывавшая сильные, перепачканные грязью руки, покрытые татуировкой. Лысина его сверкала на солнце, а он, насупившись, машинально делал свою работу.

Сервас обернулся. Солнце нагрело маленькую спальню под самой крышей, и в жарком застоявшемся воздухе витал пыльный запах нежилой комнаты. Здесь царил другая тишина, не та, что внизу. Тишина разлуки и утраты. В этой комнате не ощущалось той печали, что во всем доме, но Сервасу показалось, что ее просто оживляли весенние солнечные лучи. И ему вдруг подумалось, что служащий похоронного бюро наверняка попытается нанести оживляющий грим на лицо Алисы, а вот что у него получится с лицом Амбры...

С минуту он оглядывал комнату. С чего начать? Комната Амбры и здесь выглядела так же, как ее комната в кампусе, разве что там царил еще больший хаос. Может быть, это мать старалась навести хотя бы видимость порядка. Он услышал, как в соседней комнате Ковальский выдвигает и задвигает ящики стола, и тоже решил приступить к делу.

На кровати валялся «Уокман», портативный магнитофон с наушниками, и поблескивали картинками с десятков CD-дисков. Он открыл стеной шкаф и обнаружил висящие на плечиках тельняшку и джинсы размера на два больше, оливковый жакет в стиле «бомбер», футболки с картинками групп, которых он не знал, рубашку в красно-зеленую клетку, черный жилет и ботинки «Доктор Мартенс». Там же стояла обувная коробка, битком набитая разноцветными резинками и заколками для волос, тюбиками губной помады и флаконами с лаком для ногтей. В ящике лежали трусики в цветочек и шерстяные носки. Сервас впервые в жизни рылся в чужих вещах, и перед ним все время стояло изуродованное лицо Амбры. Из двух сестер она была гораздо красивее. Может, из-за этого убийца и озверел до такой степени, что от этого лица ничего не осталось?

На столе из светлого дерева хорошей выделки стояли только лампа и подставка для карандашей и скрепок и лежал альбом с фотографиями. Мартен быстро пробежал альбом глазами. На более старых снимках девушкам было лет пятнадцать-шестнадцать, и их почти везде окружали смеющиеся и гримасничающие парни. Каждая фотография была снабжена комментариями со множеством восклицательных знаков. Однако среди снимков попались два, на которых

девушки были вдвоем. И они не улыбались. Напускная веселость других фото улетучилась без следа. И глаза девушек снова обрели знакомую пристальность и знакомое выражение.

Сервас близко взгляделся в фотографию и снова почувствовал дурноту. Что хотели сказать, что пытались выразить сестры, когда вот так смотрели в объектив? Интересно, кто же мог сделать эти снимки? Дружок? Подружка?.. Ясно, что не отец, он бы сильно обжегся. Этот взгляд двух пар глаз был слишком двусмысленным, слишком многообещающим и мрачным, чтобы адресовать его кому-нибудь из членов семьи.

Сервас закрыл альбом и ощутил под пальцами толщину обложки. Глаза его скользнули вверх, к книжной полке над столом. Около тридцати книг... Судя по названиям, в основном детективы. С краев их поддерживали два крупных куска гальки, скорее всего, принесенных с пляжа.

Вдруг волосы у него на затылке встопорщились, как наэлектризованные. Среди прочих на полке он увидел роман со знакомым названием.

Глава 7, в которой речь идет о книгах и о читательницах

Сервас затаил дыхание. Осторожно отодвинул остальные книги и только потом вытащил нужную. Как будто взял в руки антикварный раритет, страницы которого сейчас рассыплются у него в руках. Внимательно разглядел обложку: на ней было фото молодой девушки возле большого дерева, то ли тополя, то ли осины. Девушка стояла босиком на клумбе с маргаритками. На ней было белое платье. Такие надевают невесты. *Или девочки к первому причастию...* От пояса к подолу ее белого платья шли продольные складки, похожие на трещины в коре соседнего дерева. На груди висел большой крест.

Книга называлась «Первопричастница» и была надписана неким Эриком Лангом.

Сервас нахмурился. Что это означало? У него вдруг пересохло в горле. Он раскрыл обложку и посмотрел на дату первого издания. 1985. Потом вернулся к другим книгам на этажерке. Три из них принадлежали перу того же Ланга. Что же получается? Два трупа, одетые первопричастницами, а теперь еще и это... Что же этим хотели сказать?

С сильно бьющимся сердцем он переворачивал страницы, и у него возникало ощущение, что он ступил на неизвестную территорию: ГЛАВА 1...

Сердце налилось тяжестью, как камень. Вот-вот он поймет что-то очень важное. Перед ним уже замаячила гипотеза, но она была слишком абсурдна, слишком экстравагантна, чтобы предложить ее Ко: *а не эта ли старая книжка вдохновила убийцу?* В следующее мгновение гипотеза показалась ему смешной. Просто избитый сценарный прием, который кочует из фильма в фильм. Мартен уже представил себе реакцию шефа. И все же, и все же... может, тут не простое совпадение?

С книгой в руке он подошел к окну. В соседнем саду лысый великан закончил подстригать лавр. Теперь он курил сигарету, сидя в тенечке под смоковницей, и лицо его хранило все то же мрачное выражение. Сервас вспомнил, как ему говорила мать: никогда не надо отдыхать под смоковницей.

И вдруг его пронзила еще одна мысль. Когда он обыскивал комнату, что-то буквально на полсекунды привлекло его внимание, а потом вылетело из головы. Что же это было, черт возьми? Сервас обернулся и пробежал глазами по комнате. Одна деталь, но что за деталь? Глаза остановились на фотоальбоме.

Да. *Это как-то связано с альбомом...* И он медленно подошел к нему.

Нижняя половина обложки показалась ему более массивной и пухлой, чем та, которую он только что открывал. Вот она, деталь. Мартен осторожно перелистал страницы с аккуратно приклеенными прозрачными кармашками для фотографий и снова прощупал нижнюю обложку... *Там несомненно что-то было...* Ему легко удалось отделить декоративную часть обложки из голубой ткани от картонной основы и осторожно раздвинуть их. Оттуда выглянули конверты. Их было около десятка.

Письма...

Сервас бережно вынул их и вернулся к окну, держа конверты в руке. Старые, они пожелтели, чернила выцвели, адрес едва можно было различить, но именно в этом доме они сейчас находились. Все конверты были надписаны одним почерком.

Мартен перевернул их другой стороной. Имя отправителя отсутствовало.

Он попытался разглядеть почтовый штемпель, но тот совершенно стерся, можно было различить только дату: 1988. Сколько же лет было тогда Алисе и Амбре? Если подсчитать, то лет пятнадцать-шестнадцать. Он раскрыл надорванный конверт и вынул затвердевшие от времени листки. Когда развернул их, бумага затрещала у него под пальцами. Письма, видимо, столько раз открывали и перечитывали, что на сгибах бумага порвалась.

Мои дорогие невесты!

(Сервас на миг задержался на этом обращении, пытаясь понять, что может означать последнее слово.)

Вчера я был в ресторане в окружении множества людей: и друзей, и не совсем друзей, и вовсе не друзей. Мы спорили, смеялись, болтали. И все, развлекаясь, что-то желали друг другу, подчас довольно ядовито, но всегда интеллигентно. А я сидел в своем углу и думал только о вас. О вашей молодости, о вашей красоте и вашей разумности. О разумности сердца, о мудрости души. О вашей невинности и вашей порочности. Я думаю о вас и днем, и ночью, когда не удается заснуть. Кто вы? Чем вы заняты? Я хочу знать обо всем: о ваших мечтах, ваших надеждах и желаниях. Любите ли вы меня? Скажите «да», даже если это и неправда. Если письмо придет до конца недели, значит, вы меня любите.

Сервас прервал чтение. Что могли поведать об авторе эти слова? По всей видимости, все это писал не подросток, а взрослый человек. Причем этот взрослый хорошо владел языком, даже оставаясь – несомненно, намеренно – простым и понятным. В письме не было ни одной орфографической или синтаксической ошибки...

Он наугад развернул другой листок.

Мои дорогие сердечные подруги,

Я не могу всерьез отнестись к известию, что кто-то любит меня, и тем более – что я кому-то нравлюсь. Большинство людей меня ненавидят, опасаясь моего цинизма, ума и острого языка. Тем лучше. И пусть себе ненавидят. Вы – единственные, кому я действительно хочу понравиться. Единственные, кого мне хочется обнять и прижать к себе. Если надо, я подожду пять лет, а потом женюсь – на вас обеих. В какой-нибудь стране, где дозволено многоженство. Надеюсь, вы знаете, что я вас люблю.

Черт возьми, этот тип разговаривал с ними, как со взрослыми женщинами... Но больше всего интриговало само содержание писем. Эта интимность между взрослым и двумя девочками-подростками. Сколько же ему было лет? Двадцать? Однако было в его почерке что-то такое, что говорило о более зрелом возрасте... Был он искренен или просто расставлял словесные западни, чтобы заманить наивных девчонок в свои сети? Сервас поискал подпись и обнаружил ее в конце следующей страницы:

Шандор

Несколько секунд Мартен внимательно разглядывал подпись. Что еще за Шандор? Кто он? Мимолетное видение? Тень, что прячется в углу? В самом звуке этого имени было что-то загадочное. Оно звучало как псевдоним. Сервас положил письмо обратно в конверт. Потом по почтовым штемпелям и датам определил, какое из писем было самым первым, и принялся читать.

Дорогая Амбра, дорогая Алиса,

Сердце мое взорвалось радостью, когда я прочел ваше письмо. Ваши похвалы доставили мне огромное удовольствие. Вы так молоды и уже так проницательны, умны и прозорливы! Нет ничего лучше, чем найти родственную душу. Но представьте себе мою радость, дорогие Амбра и Алиса, когда вместо одной я нашел сразу две родственных души. Мои дорогие читательницы, как подумают, что вы могли бы мне и не написать...

Сервас снова отвлекся от чтения. *Дорогие читательницы? Так он писатель...* Неужели им пишет сам Эрик Ланг? Или от его имени пишет какой-то жулик?

...Как подумано, что вы колебались, как вы сами пишете в своем прекрасном, трогательном письме, прежде чем осмелиться «побеспокоить великого писателя» из боязни показаться смешными... Да нет же, в вашем письме нет ничего смешного! Наоборот. Когда вы говорите, что «Первопричастница» – великая книга (у Мартена снова забилося сердце) и в то же время книга мрачная и аморальная, я готов под этим подписаться. Когда вы пишете «вы представить себе не можете, с каким наслаждением мы погрузились в созданный вами мир, а потом, обменявшись впечатлениями, решили, что вы – наш любимый писатель», вы делаете меня счастливейшим из людей. Пишите мне еще и еще! Я очень хочу получать такие письма!

И снова что-то не вязалось. Если Эрик Ланг отвечает своим поклонницам, то почему подписывается Шандор? Может, это какой-то шифр?

Тут открылась дверь, и Сервас обернулся. В комнату ввалился возбужденный Ковальский. И взгляд его сразу упал на письма, лежащие на столе.

– Это что такое?

Не отвечая, Мартен взял со стола книгу и протянул ему.

* * *

У входной двери он заметил телефон. Когда они спустились вниз, Сервас попросил у родителей девушек разрешения позвонить. Полистав справочник, лежавший рядом, набрал номер.

– Привет, Ева, – сказал он, когда ему ответил певучий женский голос. – Кто у вас занимается детективами?

Номер принадлежал книжному магазину «Изысканное слово», куда Мартен часто заглядывал. В студенческие годы он оттуда просто не вылезал, а теперь, став сыщиком, заходил куда реже. Из детективов Сервас охотно читал классиков: По, Конан Дойла, Гастона Леру, Чандлера и Сименона. Но любимыми его писателями были Толстой, Томас Манн, Диккенс, Гомбрович, Фолкнер и Бальзак. Как и его отец, он считал, что лучшие книги требуют от читателя усилий, и по большому счету то, что дается легко, – дело пустое и не имеет никакой ценности.

– Можешь меня с ним соединить? – сказал Сервас, выслушав ответ.

Он немного подождал, пока на линии появится новый собеседник.

– Вам знаком такой автор – Эрик Ланг?

Голос на другом конце провода был немногословен:

– Да, конечно.

– А его роман «Первопричастница»?

– По всей видимости.

– Это самый знаменитый его роман?

– Да. Шикарная книга.

Сервас вздохнул. Еще в юности он понял, что каждый должен сам найти нужную ему информацию, и тратить время на поиски не входит в функции книжного магазина.

– А сколько романов он написал?

– Насколько я знаю... около десяти.

– Сколько ему лет?

– Что?

– Сколько ему лет? – повторил Сервас.

Он представил себе, как удивились на другом конце провода.

– Минуточку.

Через несколько секунд Мартен получил ответ. Тон у продавца был усталый и раздраженный. Видимо, предел его профессиональной выдержки был недалек.

– Он родился в пятьдесят девятом.

Сервас быстро подсчитал: значит, в 1998-м Лангу было тридцать девять лет. И что его потянуло водить дружбу с пятнадцатилетними девчонками? Конечно, он отвечал поклонникам. Но письма, которые Мартен прочел, далеко выходили за пределы обычной переписки с читателями. Они поражали высокой степенью интимности... Что же породило такую интимность?

– А имя Шандор вам о чем-нибудь говорит?

– Эрик Ланг – псевдоним, – ответил этот задавака все тем же снисходительным профессорским тоном. – Он родился в Венгрии, и настоящее его имя – Шандор Ланг.

– Спасибо, – сказал Сервас и отсоединился.

* * *

Теперь они снова сидели в гостиной напротив родителей девушек, которые так и не пошевелились, пока в доме работали полицейские. И у тех возникло впечатление, что если они снова придут завтра, то застанут их в тех же позах.

Мать больше не плакала, но глаза у нее стали совсем красными. Казалось, она постарела лет на пятнадцать. Отец погрузился в свои мрачные мысли. В доме повисла атмосфера отчаяния и безнадежности, и Сервас почувствовал, что долго здесь оставаться не сможет. Ковальский расспрашивал родителей о привычках девочек, о школе, о том, где они бывали, и голос его звучал мягко и спокойно, что никак не вязалось с тем Ко, которого он знал. Наконец, почесав себе кончик носа, начальник медленно подался вперед. Сервас сразу услышал нечто новое в интонации его голоса, какое-то напряжение, которого раньше никогда не бывало, и его поразила тщательность, с какой шеф выбирал каждое слово:

– А не случилось ли в последнее время чего-нибудь необычного, *ненормального*? Что так или иначе привлекло бы ваше внимание, пусть даже это была какая-нибудь мелочь...

К их огромному удивлению, родители обменялись понимающими взглядами и даже кивнули, словно с самого начала ожидали этого вопроса. Сервас сразу насторожился. Ко повернулся к отцу, который пристально смотрел на него, поджав губы.

– Мелочь, просто совсем мелочь, – ответил он. – Я уже давно пытаюсь сообщить вам эту мелочь: да, кое-что произошло, да, кое-что нас очень напугало... и если б вы отреагировали раньше, Амбра и Алиса были бы здесь, с нами.

Голос отца дрожал от ярости. Мартен увидел, как налился кровью затылок Ко, а под кожаной курткой обозначились и напряглись мышцы плеч.

– То есть? – спросил шеф, не скрывая, что ничего не понял.

– Разве жандармы вам ничего не говорили?

– Какие жандармы? Объясните, пожалуйста.

– Это началось месяцев шесть тому назад... звонил телефон, и на другом конце провода молчали... Три ночи подряд, в одно и то же время, ровно в половине четвертого утра.

Отец Амбры и Алисы оглядел всех по очереди, прежде чем продолжить.

– Я прекрасно помню... девочки были на занятиях. В первый раз мы решили, что это с ними что-нибудь случилось, и запаниковали.

Он помолчал, стиснув зубы.

– Во второй раз я уже знал, что мне никто не ответит, и сказал в трубку: «Вы, наверное, ошиблись номером». Не спрашивайте меня, почему, но я знал, что это не сумасшедший... И

потом, в трубку кто-то еле слышно дышал. Все это происходило в самой середине ночи... А в третий раз я спросил того, кто был на другом конце провода, что ему надо, и попросил оставить нас в покое. Как и раньше, ответа я не услышал.

– И у вас нет мысли, кто это мог быть?

Отец отрицательно покачал головой.

– И все прекратилось?

Тот снова мотнул головой.

– Он снова позвонил. Через несколько недель... Это были выходные, и девочки приехали домой. Он сказал: «Могу я поговорить с Амброй или с Алисой?» Половина четвертого утра... Я спросил, кто он такой и знает ли, который час. Он повторил: «Могу я поговорить с Амброй или с Алисой?», словно ничего не услышал. Я сказал, что сейчас повешу трубку, а он повторил еще раз: «Могу я поговорить с Амброй или с Алисой»? Тогда я пригрозил, что сейчас вызову жандармов. И он сказал: «Передайте Амбре и Алисе, что они скоро умрут».

Сервас увидел, как в глазах отца снова отразился страх, тот самый огромный, неизмеримый страх, что он пережил той ночью.

– В эту ночь телефон звонил раз десять. Девочки проснулись. Все были напуганы. И я его в конце концов отключил.

– Он еще звонил?

– Да. Каждую субботу, в половине четвертого утра, когда девочки были дома. Несколько недель подряд... В конце концов я начал вообще отключать телефон перед сном.

– Вы спрашивали девочек, может, они предполагали, кто это мог быть?

Отец покачал головой.

– Они сказали, что не имеют ни малейшего понятия.

– Вы известили об этом жандармерию?

Он снова кивнул.

– Ну и?..

Его снова охватил гнев.

– Никаких известий с их стороны. Они сказали, что ничего не могут предпринять.

– Вы можете описать голос в трубке?

– Мужчина... молодой... лет двадцати, может, тридцати, но как узнаешь... Он говорил очень тихо.

– А вы смогли бы узнать этот голос?

Он с сомнением покачал головой.

– Вряд ли... Да нет, я же вам уже сказал, он говорил очень тихо.

– Благодарю вас, господин Остерман.

– Это еще не всё...

Голос его задрожал от гнева и укоризны, глаза засверкали.

Ковальский резко вскочил, словно ему дали под зад.

– Вот как?

– *Он позвонил прошлой ночью...*

На этот раз все застыли на месте.

– И что сказал?

Сервас увидел, как мгновенно осунулось лицо Ришара Остермана.

– Сказал, что они мертвы. И еще... *что они получили то, что заслужили.*

Глава 8, где речь идет о девственности и футболе

«Мертвые не разговаривают. Мертвые не думают. Мертвые не оплакивают живых. Мертвые мертвы, тут все просто. Но настоящая могила – это забвение», – думал Мартен.

Он разглядывал родителей Алисы и Амбры. Он не знал, что они испытывали. Да и откуда ему знать? Может, они все еще питали крошечную безумную надежду, что все это какая-то ошибка и там лежат не их девочки? Может, им хотелось скорее со всем этим покончить и вернуться домой, чтобы там выплакаться вдали от посторонних глаз? Становилось ли им страшно от мысли, что последний образ девочек, который останется у них в памяти, будет связан с тем, что они увидят через мгновение? Сервас перебирал в памяти все, что они рассказали о ночных телефонных звонках, и в особенности о последнем, самом мрачном, когда в ночь двойного убийства кто-то сообщил им, что девочки мертвы. Во «Франс Телеком» сразу направили запрос об идентификации звонившего. К этому подключились сети университетского кампуса. Безрезультатно. Снова звонили в жандармерию, но там сочли ночные звонки чьей-то скверной шуткой...

Родители девочек сидели рядышком напротив кабинета судебного медика, но друг к другу не прикасались. И Сервас спросил себя, выстоит ли эта семейная пара под ударом двойного траура.

Класа, похоже, такие соображения не волновали. Он видел слишком много трупов, слишком много насилия и слишком много горя, и истинного, и притворного. Медик сидел за столом, на котором ни один предмет не напоминал о смерти, как, к примеру, в больницах на рабочих столах крупных специалистов, где зачастую можно обнаружить резиновые муляжи мозгов, легких или сердец. Наоборот, в залитой солнцем оранжерее с пыльными цветными витражами, переоборудованной в кабинет, жизнь присутствовала повсюду. Над мебелью с металлических балок свешивались настоящие джунгли экзотических растений в горшках, которые заполняли все пространство, распространяя запах кормилицы-земли и гумуса. Горшки стояли и на дубовом столе рядом с массивным телефоном «Ролодекс». Сервас прочел несколько надписей на этикетках: *Dracula chimaera* (орхидея), *Chamaecrista fasciculata* (сорт папоротника), *Dionaea muscipula* (росянка). И все же ему показалось, что здесь, под застекленным оранжерейным потолком, чувствовался еле уловимый запах тления. Жизненный цикл природы непобедим: за смертью следует возрождение.

– Ну что ж, пойдёмте, – сказал Клас, вставая с места.

Сервас заметил, как головы стариков медленно втянулись в плечи. Коротышка Клас провёл их по длинному коридору, облицованному серым камнем, что придавало ему сходство с интерьером старинной крепости, толкнул металлическую дверь, нажал на выключатель, и они оказались в большом холодном зале, выложенном плиткой. Одна из стен сплошь состояла из блестящих стальных ящиков-холодильников. Клас сверился с карточкой идентификации, вставленной в картодержатель при каждом ящике, потом открыл одну из дверей, с дребезжанием выкатил оттуда длинный ящик на колесиках и сделал родителям знак подойти.

– Не задерживайтесь, – посоветовал он. – Это никому не нужно. Лучше пусть они останутся в вашей памяти такими, какими были раньше. Я хочу, чтобы вы просто взглянули, чтобы опознать их.

Отец подошел, а мать, казалось, окаменела.

Клас поднял покрывало.

Это, несомненно, была Алиса... Судебный медик открыл ее тело по грудь. Сервас заметил, что возле левого плеча у девушки было характерное родимое пятно. Она, казалось, спала. Старики почти одновременно закивали. Клас опустил покрывало. Затем выкатил второй ящик.

Когда он снова откинул покрывало, Сервас стиснул зубы, ожидая, какова будет их реакция.

У матери вырвался сдавленный, похожий на икоту, крик ужаса; отец быстро отступил назад и всхлипнул. Сервас отметил, что оба сразу же отвели глаза от изуродованного лица Амбры. Закусив губы, отец кивнул и, повернувшись спиной к ящикам и к дочерям, обнял жену.

– Подтверждаете ли вы, что это Амбра и Алиса Остерман, ваши дочери? – задал Клас вопрос, положенный по протоколу.

Сервас пробормотал «мне очень жаль» и выскочил на улицу глотнуть свежего воздуха, на ходу проклиная Ковальского, который послал его сюда одного.

На воздухе он вдруг почувствовал, что силы кончились. Зажег сигарету и курил, следя глазами за двумя молоденькими девчонками на другой стороне улицы. Они хохотали и шли широко и уверенно, словно весь город принадлежал им. Мартен глубоко затаился и вслушался в шумы города. Клаксоны, тархтение скутеров, ровный гул уличного движения, звон церковных колоколов, воркование голубей на крыше, обрывки музыки... Обычная жизнь, такая, как и всегда.

Ближе к вечеру Гамбье, республиканский прокурор, предстал перед журналистами на пресс-конференции. Он объявил о двух убитых студентках, сообщил о первых деталях, о платьях первопреступниц – Сервас и Ковальский скривились при этих словах, – но обошел молчанием оба крестика: и тот, что был на шее Амбры, и тот, что исчез. На выходе Ковальский отвел Мартена в сторону:

– Вернись в кабинет и прочти эту чертову книжонку. И посмотри, нет ли еще совпадений. Может, это чтиво и вправду вдохновило убийцу; может, в ней есть еще что-то. Ты ведь у нас в группе интеллектуал...

И он, похлопав Серваса по плечу, протянул ему полиэтиленовый пакет с тем экземпляром книги, что нашли в комнате Амбры.

Сервас понял, на что намекает Ковальский. На его длинные волосы, на учебу на филфаке, на манеру говорить длинными фразами, а еще на то, что бывалые сослуживцы отвергали и одновременно презирали его мозги, чересчур набитые всякой всячиной.

– Интересно было бы знать, кто проник в комнату Амбры, кроме родителей, конечно, – сказал он вдруг. – Знал ли убийца, что девушки были поклонницами Эрика Ланга? И что у Амбры в комнате стоял томик «Первопреступницы»? Это не может быть простым совпадением.

– По меньшей мере, один человек об этом знал, – сказал Ковальский.

– Да. Эрик Ланг.

* * *

Когда Сервас вышел из Региональной службы судебной полиции, было уже 20.30. От ливня не осталось и следа. Стоял чудесный майский вечер, и тулузцы высыпали на улицу, на террасы кафе. Небо обрело оранжево-розовый оттенок, и стены домов из розоватого камня сразу заиграли новым цветом. Из окон домов и автомобилей вылетали и порхали в воздухе обрывки мелодий песенок-однодневок, которым вряд ли удастся пережить лето.

Мартен пешком дошел до улицы Мец, повернул налево и двинулся к площади Эскироль, потом свернул к Гаронне, по Новому мосту перешел в квартал Сен-Сиприан и зашагал по тротуару, от которого еще струилось накопленное за день тепло. И воздух тоже был теплый и ласковый.

Войдя домой в свои три маленькие комнаты, Сервас сразу почувствовал, как здесь жарко, несмотря на открытые окна. К нему на руки с разбега прыгнула Марго. Потом босиком, в белой в синюю полоску футболке на несколько размеров больше и в закатанных выше загоре-

лых колен джинсах, появилась Александра. Она пристально на него взглянула, послала ему воздушный поцелуй и вернулась в гостиную, и Сервас услышал, как жена тихо разговаривает с кем-то по телефону. Музыка, которая доносилась из гостиной, была ему знакома: «The Cure» группы «Зенит». Александра в прошлом году затащила его на концерт. У него в голове промелькнула мысль: а не специально ли она сейчас поставила эту песню, может, ей надо, чтобы он не слышал разговор?

Мартен немного поиграл с дочкой – поднимал ее, раскачивал, сажал себе на плечи, щекотал, и на него дождем сыпались гогот, щебет, смех и притворные вопли протеста. Дочка, конечно, пока еще была маленькой зверюшкой, и надо ей было немного: есть, спать, играть, смеяться и быть любимой... Полная противоположность матери, подумал он не без доли вероломства.

Потом, уже поздним вечером, когда температура в квартире начала понемногу опускаться, а с улицы подул свежий вечерний бриз, Сервас устроился в уголке дивана поближе к открытому окну и достал книгу из мешочка для вещдоков.

Еще не начав читать, он вдруг засомневался: а есть ли смысл погружаться в эти страницы? Чего он ждет от книги? Надеется найти в ней разгадку? Но в игре обязательно кто-то должен водить. Если убийца вдохновился романом, что в данном случае вполне вероятно, он может так или иначе повторить линию сюжета. Сколько книжных магазинов продавали книгу в этом районе? В скольких библиотеках она есть? Что касается магазинов, то «Первопричастница» имела шумный успех. А это означает, что ее прочло слишком много народу, и всех уже не найдешь. Он начал читать и к концу второй страницы сказал себе, что это вовсе неплохо для легкого жанра. Стиль не такой напыщенный, как в письмах, хотя ему тоже чего-то не хватает. Может, амбиции, устремленности? Мартен снова углубился в чтение, но тут с улицы донесся голос какого-то пьяного. Он распевал знакомую арию, но на этот раз Сервас ее не узнал. Он, конечно, не литературовед, но в стиле этого автора было что-то такое... Где-то в самой глубине таились злоба и патологическая порочность. И они присутствовали буквально на каждой странице. Испорченность, разврат, садизм... Неужели именно это понравилось двум девочкам-подросткам в переходном возрасте, когда происходит преодоление страхов, когда потребность идти наперекор родителям с их ценностями, потребность в признании и любви так же неодолимо притягательна, как яркий свет для бабочек? Алиса и Амбра и были такими бабочками, которые только что вылезли из куколок и устремились в полет. Они искали себя, испытывали на прочность все родительские запреты. Для их душ, жадных до всего нового, романы Эрика Ланга должны были обладать мощной притягательностью.

До такой степени, что они позабыли обо всех правилах благоразумия и осторожности? В этом возрасте способность оценки риска зачастую еще слаба, ее заслоняет ощущение ложной вседозволенности. *Эй, сударь, ты рассуждаешь, как психоаналитик...*

– Что это ты там читаешь? – поинтересовалась Александра, входя в комнату.

Мартен показал ей обложку книги. По всей очевидности, она никогда не слышала ни о книге, ни об авторе.

– А что за книга?

– Детектив.

Жена уселась в кресло, положив на подлокотник скрещенные ноги и покачивая голый ступней с накрашенными ногтями.

– Ты теперь читаешь детективы?

– Не детективы, а один детектив...

– И что в нем такого особенного?

– У автора... мозги больно набекрень.

– Ух-х-х ты! Набекрень? Ему это зачтется, один – ноль в его пользу...

Мартен только сейчас понял, что Александра слегка навеселе. По голосу понял. Она и вправду держала в руке бокал с вином. Кончики розовых ногтей были острижены прямо и подчеркнуты белой полоской. Жена улыбалась, словно его слова ее ужасно развеселили.

– Что? – спросила она. – Что ты на меня так смотришь?

Сервас не ответил. Александра не сводила с него глаз, и в ее взгляде он заметил совершенно новое торжество.

– Марго спит? – спросил он.

Она кивнула. Щеки ее покрылись легким румянцем, губы слегка припухли против обычного.

– Я перебрала.

– И много?

– Это уже третий бокал.

В ее глазах он прочел призыв. Этот ритуал повторялся всякий раз, как жена возвращалась из долгого заграничного рейса. В такие моменты она была завлекательна ничуть не меньше любой встреченной в баре девчонки. Мартен словно вдруг видел перед собой незнакомую женщину.

И с этой незнакомкой ему было неловко. Порой у него тут же возникал вопрос: а как Александра ведет себя во время полетов? Он знал, что она предпочитала мужскую дружбу женской и могла запросто пойти в ресторан с совершенно незнакомым мужчиной, вовсе не считая, что это первый шаг к постели. Так, во всяком случае, она всегда утверждала.

И он знал, что у нее были свои секреты. И было их гораздо больше, чем у него. И с течением времени эта диспропорция стала отдалять их друг от друга. Мартен догадывался об этом по ее уклончивым ответам по возвращении из Гонконга или Сингапура. Например, когда он звонил ей, номер часто был занят. Когда Сервас задавал вопросы на эту тему, Александра отговаривалась простым совпадением. В совпадения он не верил. А может, это профессия сыщика начала на него влиять? Потом он долго не решался заводить речь на эту тему. *Ложь*. Если у него будет непреложное доказательство того, что Александра ему врет, как ему реагировать? «Никогда мне не ври. Ложь приводит меня в ужас. И я тебе ни разу не совру, слышишь?» Так Александра сказала ему в самом начале их отношений. Ему вспомнилось время, когда эти слова он читал так же свято, как слова Евангелия.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросила жена, перед тем как поднести бокал к губам. Тот уже почти опустел. А глаза ее блестели все больше и больше.

– О твоём предстоящем рейсе.

– К черту мой предстоящий рейс, – сказала Александра, вставая и огибая низкий столик, чтобы подойти к Мартену.

Она наклонилась и поцеловала его, остановившись напротив и запустив пальцы в его густую шевелюру. На языке у нее сохранился привкус белого вина. Приподняв футболку, взяла его руки и силой приложила к своей обнаженной груди.

– Окно открыто, а мы как раз напротив, – пробормотал Мартен, опрокидываясь на спинку дивана. – Вот соседи будут довольны...

– К чертям соседей, – отвечала она, и дыхание ее участилось.

Сервас знал: вероятность, что ее увидят, ее заводила, такая у нее была фишка. Александра обожала, когда на нее смотрели. Она расстегнула молнию на своих джинсах и, покрывая Мартена поцелуями, взяла его руку, завела к себе в трусики и принялась ею мастурбировать, продвигая ее все глубже и глубже.

Перекинув ногу через Мартена, она оказалась на нем верхом, упираясь коленями в кожаную обивку дивана и все глубже погружая в пышущие жаром трусики его руку. Пот струился с нее ручьем.

Свободной рукой Александра ерошила его волосы, гладила по голове и стонала. Мартену было очень неудобно так сидеть, но он ухитрился левой рукой расстегнуть ремень джинсов, потом кое-как лихорадочно добрался до пуговиц ширинки, вытащил из волос руку Александры и поднес ее к своей вздыбившейся, налившейся плоти. И почувствовал, как она сопротивляется, словно он собирался заставить ее прикоснуться к электроплитке. А потом Александра вся раскрылась, и пальцы Мартена глубоко вошли в нее. Он прерывисто вздохнул и снова с нежностью потянул к себе ее руку.

– Перестань!

Она с раздражением отстранилась. А Мартен, чтобы успокоить ее, вытащил пальцы. В любви жена всегда была эгоисткой, но никогда не бывало, чтобы она так долго вообще к нему не прикасалась. И когда он попытался ей помочь, заведя головку между ее бедер, она резко прижалась к нему, чтобы он смог войти в нее... а еще, чтобы положить конец эксперименту. Единственное, что буквально доводило ее до иступления, были его пальцы или член, проникающий в нее. Она просто жаждала проникновения, в любой его форме, жаждала, как амазонка.

Мартен собрался что-то сказать – доведенная до болезненности эрекция постепенно спадала, пальцы пропитались запахом Александры, – но тут вдруг раздался крик. Марго. И этот крик превратился в вопль о помощи: «Папа!» Александра резко выпрямилась, но он опередил ее, встав и обогнув диван.

– Не надо. В последнее время ее беспокоят кошмары. Ничего страшного. Я к ней зайду.

У входа в коридор висело большое зеркало, и Сервас, еще не остывший от страсти и ярости, увидел в нем отражение Александры. Она поставила на столик пустой бокал, вынула из пачки сигарету и подошла к окну, повернувшись к комнате спиной.

* * *

«Клас классный», – такое прозвище было у судмедэксперта в отделе. Были и варианты, свидетельствующие о том, что какое-никакое воображение у сыщиков все же имеется: «Клас классический», «Клас, не поддающийся классификации». Если он не стоял в зеленой блузе перед чьим-нибудь трупом, шеф лаборатории патанатомии носил саржевые костюмы прекрасного покроя, рубашки с отогнутыми манжетами, на которых красовались пуговицы фирмы «С. Т. Дюпон», и шелковые итальянские галстуки-бабочки. В зимние холода он надевал шерстяное пальто, а летом – непромокаемый плащ. Все с фирменными этикетками, все очень дорогое.

Сервас и Ко наблюдали, как Клас шествует по тротуару: плащ аккуратно перекинут через руку, в другой руке черный кожаный кейс.

– «Армани», – сказал Ко.

– Что?

– Да это у нас такая игра, традиция такая. Мы заключаем пари насчет марки куртки или костюма. А потом задаем ему вопрос. Кто угадает – проставляется в ресторане.

Сервас взгляделся в подходящего патанатома.

– «Ральф Лоран», – рискнул он.

– А плащ?

– «Бёрбери».

– По меньшей мере.

– Здравствуйте, господа, – на ходу бросил Клас, проходя мимо них ко входу в здание. – Посвящаете молодого человека в ваши дебильные игры, Ковальский? Прошу вас, не заражайте его этими глупостями. У него пока еще относительно интеллигентный для сыщика вид.

– Такая уж у нас традиция, тубиб, – ничуть не смущаясь, шеф группы широко улыбнулся.

– Если б люди хоть немного знали студентов-медиков и их профессоров, никто не пошел бы на такое безумие, как пожертвовать свое тело для науки, – заверил Клас.

Они вошли в правую застекленную дверь, прошли по коридору и оказались в офисе, который принял облик джунглей. Несмотря на ранний час, под застекленной крышей уже становилось жарко. Клас устроил плащ на спинке стула, снял пиджак и повесил его на плечики, сделал блицобход своим растениям, потом открыл один из ящиков и вытащил оттуда большой кассетный магнитофон «Филипс».

– Ну-с, займемся этими юными особами, – сказал он.

Сквозь двустворчатую дверь они вошли в просторный зал, и атмосфера изменилась. Сервас разглядывал соломенные тюфяки и столы на колесиках, заставленные флаконами и тубиками, тазиками и пинцетами, скальпелями и ножницами. На полу ждали своей очереди шланги для поливки. Оглядевшись, он перевел взгляд в центр зала. Тела Амбры и Алисы были уже подготовлены. Они лежали, вытянувшись, на двух стальных столах, в ярком свете, который только подчеркивал их хрупкую наготу. Если у живых есть секреты, думал Мартен, вспомнив Александру, то у мертвых для судебного медика их не может быть по определению. Анализы, пробы, осмотры и пальпация тел сразу открывают состояние здоровья, а зачастую – и моральное состояние их хозяев. Цирроз, гематомы, старые сросшиеся переломы с костными мозолями могут свидетельствовать о побоях и дурном обращении. Старые шрамы от пуль и холодного оружия, от ритуальных надрезов на коже и от самокалечения; снотворные, антидепрессанты, наркотики; венерические заболевания, повреждения ануса, следы аутоэротической асфиксии; легкие, просмоленные сотнями тысяч сигарет, исколотые шприцами руки, следы операционных рубцов; скверная личная гигиена, нечистоплотность; истощение, безумие, наконец, сама смерть – ничто или почти ничто не ускользнет от глаз патанатома. Ничто, кроме чувств, эмоций и мыслей, которые могли бы рассказать, как данное человеческое существо прожило свой последний миг на этой земле, прежде чем исчезнуть.

В коридоре Ковальский протянул Мартену мятные пастилки и ароматизированную мазь для ноздрей. Войдя в зал, тот сразу понял, зачем это было нужно. По залу плыл запах свежей крови, смешанный с запахами формальдегида и других химикатов, и все вместе взятое составляло труднопереносимый коктейль.

Войдя в зал и оглядевшись, Сервас удивился, почему совсем не волнуется. Он помнил, что тело отца тоже вскрывали после самоубийства, но Мартена, понятное дело, никто не просил присутствовать при вскрытии.

Клас на минуту вышел, а когда вернулся, на нем был зеленый рабочий халат и двухслойные перчатки, чтобы лучше предохранить руки от ранения скальпелем и возможного заражения, и от него пахло антисептическим мылом. Эксперта сопровождал молодой парень в такой же форме, в очках и хирургической маске. В одной руке он держал планшет с прихваченными зажимом страницами, а в другой – ручку.

Клас поставил магнитофон на край стального стола, перемотал пленку и включил запись.

– Производится вскрытие Алисы Остерман, двадцати лет, и Амбры Остерман, двадцати одного года, – проговорил он. – Приступаем к внешнему осмотру. – Повернулся к присутствующим. – Обычно я должен просто провести два вскрытия. Однако, поскольку мы пытаемся определить не только причину и обстоятельства смерти, но и выявить все сходства и различия двух сестер, то начнем исследование сопутствующим методом. Не скрою от вас, господа, что этот метод гораздо более традиционный и займет больше времени.

Еще несколько минут Клас в деталях уточнял вес, пол, телосложение и тщательнейшим образом осматривал тела – за исключением осмотра голов, чем он занялся позже – в поисках кровоподтеков, ран и давних шрамов. Занес в опись участки синюшности (которую он то ли из педантизма, то ли из стремления к точности назвал *livor mortis*⁵), остановившись на их виде и распределении по телу. Каждый раз, когда Клас что-то находил, он делал знак Ковальскому, и

⁵ Смертельная бледность (лат.).

тот щелкал «Полароидом». Судебный медик, осторожно пальпируя шею Алисы, удостоверился в ее подвижности.

Затем он подошел к Амбре. Сервас старался не смотреть на бесформенную массу, в которую превратилось красивое личико, на один полуоткрытый глаз и совершенно утонувший в сплошном сизом отеке второй. Клас взял рентгеновский снимок и попросил всех подойти ближе.

– Множественные челюстно-лицевые травмы, – начал он, включив подсветку на экране. – Переломы костей носа с повреждением передневерхней стенки, смещение носовой перегородки и прилегающих структур. Переломы челюстей. Множественные переломы глазных впадин. Значительный отек лица. Наблюдается множество повреждений: обширные кровоподтеки, гематомы, открытые раны... И прежде всего – перелом основания черепа с тяжелой черепно-мозговой травмой. Вероятны внутричерепные гематомы, повлекшие за собой неврологические расстройства и внутричерепное кровоизлияние. Вскрытие черепа скажет нам больше.

Сервасу показалось, что в голосе патанатома зазвенел гнев. Видимо, Клас не настолько был лишен всяких чувств, как казалось на первый взгляд. Он отложил снимок, снова подошел к Алисе и почтительным движением раздвинул ей бедра. Ассистент протянул ему какой-то блестящий стальной предмет, назначение которого все сразу определили: это был гинекологический расширитель, влагалищное зеркало. Клас ввел зеркало и направил в промежность девушки луч узкой лампы-карандаша.

– Никаких следов повреждения влагалища, – сказал он через секунду.

Вместе с ассистентом они повернули тело так, чтобы свет был направлен на ягодицы, и Сервас отвел глаза.

– Установлено, что повреждений ануса тоже нет.

Все притихли.

– И вот что интересно, господа, – вдруг произнес судебный медик, и Мартен, снова взглянув в его сторону, увидел, что теперь он стоит между ног Амбры, направив свет лампы на гениталии.

Ко и Сервас нехотя подошли. Клас озадаченно нахмурил брови.

– В наличии девственная плева...

– И что это значит? – спросил Ковальский, который прекрасно знал ответ, но хотел услышать его из уст судебного медика.

– Девственница. Хотя бывает, что плева остается целой даже после коитуса... Причем девственна Амбра, а не ее сестра. Даже если, что маловероятно, у нее и был сексуальный контакт, то это явно произошло всего раз и по взаимному согласию... Здесь тоже никаких повреждений, ни вагинальных, ни анальных. Следовательно, мы можем утверждать, что насилия не было.

Сервас почувствовал, как внутри его нарастают тревога и беспокойство. *Девственница*. Что бы это значило? Амбре Остерман был двадцать один год, она увлекалась книгами Эрика Ланга с двенадцати лет, с пятнадцати лет переписывалась с ним, и эта переписка, судя по тону, заходила довольно далеко в интимной фамильярности. Амбра была хороша собой, за ней, несомненно, многие ухаживали. Да и, кстати говоря, ее студенческая комната, пропитанная запахом табака, алкоголя и духов и усыпанная окурками сигарет, явно выкуренных не в одиночестве, скорее походила на поле боя после вечеринки с обильными возлияниями. И несмотря на все это, *девственница*? Впрочем, почему бы и нет... А вот Алиса, младшая из сестер, во всем любящая порядок, девственницей не была. Что-то в этой картинке не складывалось. Вместо того чтобы внести ясность, вскрытие только все запутало. Что-то от нас ускользнуло, сказал себе Сервас.

Прежде чем приступить к осмотру внутренних органов, Клас осмотрел глаза и слуховые ходы. Потом он начал с того, что сделал глубокие надрезы на мышцах рук и бедер и, перевернув тело с помощью ассистента, – на мышцах ягодиц, икроножных мышцах и мышцах спины, чтобы выявить под кожей следы ударов.

Затем Клас проделал то же самое с телом второй жертвы и, уложив оба тела на спину, снова взялся за скальпель. На теле Алисы сделал широкий надрез в форме буквы Y от лопаток до лобка, добавил несколько дополнительных надрезов, отложил скальпель, и Мартен увидел, как он резким движением приподнял кожу, которая отделилась с противным глухим звуком, обнажив мышцы шеи и груди, диафрагму и грудную кость. А Клас тем временем закатывал кожу на ребрах, словно распахивал плащ. Затем он вырезал язык, вытянув его щипцами, и сквозь нижнюю челюсть добрался до трахеи, а оттуда – до грудной клетки, которая зловеще хрустнула. Когда же патанатом вытащил из груди, как какую-нибудь связку сосисок, все ярко-розовое торакальное дерево – гортань, легкие, сердце, – Мартен не выдержал и опрометью бросился к двери.

* * *

– Ну, как, порядок?

Полчаса спустя, уже в коридоре, Сервас кивнул: порядок. Он успел отдышаться, и щеки у него чуть порозовели. Ковальский сообщил, что вскрытие подтвердило первоначальную версию: Алиса умерла от сильных ударов по затылку, приведших к черепно-мозговой травме и перелому основания черепа. Амбру же забили до смерти ударами по лицу. Возможно, смерть наступила не сразу. Сила, с какой были нанесены удары, явно свидетельствует о том, что били в состоянии бешеной, неистовой ярости. Однако, вне зависимости от вопроса уголовной ответственности, разве любое убийство не совершается за гранью как здравого смысла, так и безумия? В данном случае встает вопрос: девушка не была изнасилована... каков же тогда мотив убийства?

Было уже 11.30, когда они вышли из Института судебной медицины, отправились на машине в центр Тулузы, в кафе возле Капитолия, и заказали два кофе. Стало уже жарко, и бледно-голубое небо чуть подрагивало над крышами. Сервас сел за столик, и его взгляд упал на брошенную кем-то газету.

ОМ⁶ – король Европы!

Он вздохнул. На радио, на телевидении, да и во всех кулуарах комиссариата это была единственная тема для обсуждения. Кого интересовали предстоящие ядерные испытания англичан, русских и американцев? Кого заботило, что к 1993 году в мире насчитывалось уже 70 000 готовых к действию носителей ядерных боеголовок, которые могли обрушиться на наши головы в любую минуту: когда мы пьем кофе, занимаемся любовью или обсуждаем последний матч ПСЖ⁷ – ОМ? Да никого. Зато победа ОМ над «Миланом» в финале кубка Европы стала неисчерпаемым источником анекдотов и сплетен среди мужского состава Региональной службы судебной полиции, в одночасье превратившегося в гигантский клуб болельщиков. Сервас больше не решался даже подойти к кофе-автомату, чтобы не выдать своего полного невежества в футбольных вопросах.

Он пролистал газету, громко шурша страницами, пропустил заметку о жалобе футбольного клуба «Валенсия» на попытку подкупа и на шестой странице нашел нужную статью: «Две студентки найдены мертвыми на острове Рамье». Быстро пробежал статью глазами. Журналист

⁶ ОМ – французский футбольный клуб «Олимпик Марсель».

⁷ ПСЖ – французский футбольный клуб «Пари Сен-Жермен».

по фамилии Пейроль придерживался фактов, ничего не приукрашивая и не впадая в преувеличенно драматический тон. Очко в его пользу. Историю с крестиком он обошел молчанием. А чтобы держать читателей в постоянном ожидании, пообещал вот-вот сообщить о новых открытиях в расследовании. Фото вышло расплывчатым: были видны лишь два ствола деревьев, два темных силуэта полицейских в форме, а жертвы почти не получились из-за слишком большого расстояния съемки. К тому же шел сильный дождь. Ладно. Все равно это так не останется. В борьбу вступят какие-нибудь очередные бумагомаратели, и Пейроль уже покажется скорее упрямым пронирой-фокстерьером, чем сенбернаром.

– Вот черт, ну и дела! – вскричал Ковальский.

– Что именно? – Сервас глянул над газетой, полагая, что шеф намекает на следствие.

– Да вот это самое, – сказал Ко, указав на первую страницу.

– А-а! – Мартен перевернул страницу, чтобы взглянуть.

– Сдается мне, ты не особенно интересуешься футболом? – с улыбкой поинтересовался

Ко.

– Ни капельки.

– Никогда еще у нас не было такой команды, как эта, – продолжал сыщик, не обращая внимания на ответ. – Они поставили на колени «Милан», где играли Райкаард, Гуллит и ван Бастен, – несомненно, лучшую команду в мире. Выиграли Лигу чемпионов! Какой еще французский клуб на такое способен, а? Какой?

– Понятия не имею.

– Лучшая команда в мире – это наша, сынок. Вот так... Ей нет равных в международных матчах, и она еще всем утрет нос. Такого наградного списка еще лет тридцать ни у кого не будет.

Ковальский крепко стукнул Серваса по плечу, и тот пролил кофе на газету.

– Ладно, вернемся к расследованию, – сказал шеф, поняв глубочайшее безразличие своего подчиненного к футболу. – Что мы имеем?

– Две студентки забиты насмерть возле университетского кампуса, где проживали. Они не были изнасилованы, но мизансцена на месте преступления напоминает сцену из романа их любимого писателя, – ответил Мартен, поднося ко рту чашку с оставшимся на донышке сахаром и кофе. – Имеем еще анонимные телефонные звонки родителям девушек.

Ко задумался.

– Предположим, что некий тип поджидал их в этом лесочке. Может, прятался за деревом. Девушки прошли как раз мимо него. Он набросился на Алису и очень сильно ударил ее по затылку. Она упала без сознания, а может быть, и умерла в следующий миг. А потом он кинулся на Амбру, которая обернулась, и по непонятной причине принялся в ярости избивать ее. Затем вернулся к Алисе и добил.

– Он ударил ее дважды? – удивился Сервас.

Ко допил кофе и закурил сигарету.

– Клас говорит, что трижды. Несомненно, ему надо было удостовериться, что счет подведен. А потом он раздел девушек – скорее всего, при свете фонарика – и надел на них белые платья первопричастниц. Их одежду не нашли; возможно, он унес ее с собой. Значит, у него была сумка или что-то в этом роде...

– А чем он их бил? Это известно?

– Клас склоняется к тому, что это был какой-то широкий и плоский предмет. Причем использовали и плоскую, и режущую поверхность. Но точно не клинок: режущие удары проникли бы гораздо глубже. Скорее всего, предмет был деревянный...

– Весло.

– Возможно. Я об этом думал. И послал Манжена и Сен-Бланка проверить расписание занятий членов гребного клуба и выяснить, не пропало ли в клубе весло.

- Но тут еще эта история с крестиком...
- Да... – задумчиво произнес Ко.
- Он повесил крестик на шею Алисе, а Амбре – нет. Почему? Если он хотел точно воспроизвести мизансцену романа, то крестики должны были висеть на шеях у обеих девушек, разве не так? И где он раздобыл платья?
- Ковальский не сводил с Мартена глаз.
- Может, у него был всего один крестик... И в тот момент он висел на шее у Алисы (Амбры?), а потом он его почему-то его снял... А ты читал роман?
- Мартен кивнул.
- Читал. Страница сто пятьдесят: возле дерева мертвая девушка в платье первопреступницы и с деревянным крестиком на шее – *мизансцена соблюдена в точности...*
- И о чем это говорит, по-твоему?
- Мартен задумался.
- По-моему, тут две возможности...
- Я слушаю.
- Наиболее вероятная: это дело рук того, кто читал роман и знал, что обе девушки – фанатки автора. И убийца воспроизвел с максимальной точностью то, что прочел.
- Но зачем вообще было убивать?
- Не знаю.
- А вторая возможность?
- Мартен помедлил.
- Вторая, пожалуй... притянута за уши.
- Давай, выкладывай.
- Удар нанес сам Ланг.
- И он был настолько глуп, что имитировал сцену из собственной книги, зная, что ее найдут в комнате либо у Амбры, либо у Алисы вместе с письмами, которые он им писал? И какой у него был мотив?
- Я знаю, версия не выдерживает критики.
- Ковальский медленно обвел взглядом террасу и вернулся к Мартену.
- Разве что он уверен в себе настолько, что и мысли не допускает, что его могут схватить или хотя бы доказать, что это он. Я читал письма, – добавил он.
- Ну и?..
- Этот Ланг вызывает подозрения. Мутный он какой-то. И письма... Они, черт побери, были еще девчонками, когда он начал им писать...
- Или они ему, – заметил Сервас.
- Ну, да... Короче, он разговаривал с ними, как со взрослыми женщинами. А им было пятнадцать лет! Письма просто нашпигованы сексуальными намеками... Кроме того, переписка длилась два года, а потом вдруг оборвалась. Либо они вообще прекратили контакты, либо общались каким-нибудь другим образом...
- И какие твои выводы?
- Ковальский наклонился над столом и пальцем придавил муравья.
- А вот какие: пора нам навеститься к Эрику Лангу.
- Под каким предлогом?
- Убийство вдохновлено одной из его книг. И у него с девушками был контакт. Этого достаточно.
- Они встали. Ко оставил на столе монетку в два франка.

Глава 9, в которой подводятся первые итоги

Дом Эрика Ланга находился на юго-востоке города, на холмах Пеш-Давид, в фешенебельной коммуне Старой Тулузы, среди площадок для игры в гольф.

Чтобы добраться до него, Сервас и Ко долго поднимались вверх, колесили возле зданий и машин гольф-клуба, петляли по узкой извилистой дороге мимо белых заборов, красивых домов и хвойных деревьев. Можно было подумать, что они попали в Соединенные Штаты. Дорога привела к ротонде, стоявшей напротив мягко холмившихся площадок для гольфа. Сервас заметил игроков, которые неспешно передвигались по залитым солнцем площадкам в одиночку или группами. Дом Эрика Ланга был последним в ряду частных владений перед бескрайним простором зеленых площадок, и его ворота выходили на ротонду. Ее скрывали от посторонних глаз высокие шпалеры, высаженные как попало и теперь превратившиеся в высокую, непроходимую стену.

А сверху простиралось почти калифорнийское небо. И Сервас сказал себе, что формулу «Чтобы жить счастливо, живем скрытно» вполне можно дополнить: «Чтобы жить счастливо, живем скрытно *и* сплоченно». Но что-то в самом положении местности, в отталкивающей неприступности живой изгороди, похожей скорее на рошу, говорило ему, что Эрик Ланг предпочитал держаться в стороне от себе подобных. Ворота были открыты, и полицейские, щелчком отшвырнув и раздавив подошвами окурки сигарет, прошли внутрь. К дому вела посыпанная щебнем аллея. А прилегавший к нему сад со всех сторон окружала густая зелень со множеством дорожек и проходов. Сервасу пришла мысль, что это весьма практичный способ отгородиться от соседей.

Должно быть, некоторые архитекторы испытывали недовольство и разочарование, пытаясь приспособиться к канонам последней моды на крепость и мощь построек. Жилище Эрика Ланга было тому ярким свидетельством: серый бетон, наклонные плоскости остекленных стен и остекленные двери не вязались с узкими, как бойницы, окнами. Высокое, квадратное, мрачноватое серое здание, наверное, дорого обошлось владельцу. Несомненно, кроме Амбры и Алисы, у Эрика Ланга были и другие читатели. Если только он не располагал еще какими-нибудь источниками дохода.

Кипарисы, тисы и сосны вносили в пейзаж средиземноморскую нотку. Возле гаража, сверкая хромировкой, стоял ярко-красный «Ягуар Даймлер Дабл Сикс». В воздухе витал запах жасмина и бензина от газонокосилки, которую Эрик Ланг сам толкал по газону. Сервас сразу узнал его по фотографии на обложке одной из книг, хотя он сменил серый костюм, синюю рубашку и карманный платочек в горошек на белые льняные штаны, белые пляжные шлепанцы и синий джемпер.

Ланг шел спиной к подходящим полицейским, согнувшись над стрекочущей косилкой, но вдруг, словно повинувшись какому-то тайному инстинкту, остановился, выключил мотор и обернулся.

Несколько секунд он недоверчиво разглядывал их поверх солнечных очков, и в его цепком взгляде сквозила хитринка. Сервас сразу вспомнил впечатление от портрета на книжной обложке: на него смотрел надменный и скользкий тип. Перед камерой Ланг обнажил в широкой улыбке безупречно белые зубы, но глаза его не улыбались, и их взгляд из-под необычно густых и черных бровей был непроницаем, как тюремная дверь. Да и сама улыбка – механически приподнятые углы губ – больше походила на гримасу, на скептически-безразличную мину. Точно с таким же выражением Эрик Ланг смотрел и сейчас из-под солнечных очков.

– Там есть звонок, – сухо бросил он.

Ковальский предъявил свое удостоверение, и улыбка сразу исчезла. Ланг провел рукой по своей густой и курчавой темной шевелюре.

– Я полагаю, вы здесь по поводу этого ужасного убийства, – сказал он. – Я прочел статью в газете.

– Двойного убийства, – уточнил Ковальский. – Да, мы здесь по этому поводу. Вы не могли бы уделить нам несколько минут?

Писатель сдвинул очки на лоб. На вид Сервас дал бы ему лет тридцать.

– А почему? Потому что это напоминает одну из моих книг?

– Потому, что одна из жертв держала вашу книгу у себя в комнате, а прежде всего потому, что вы писали обоим девушкам очень милые письма, господин Ланг.

Романист осторожно, с недоверием на них посмотрел.

– Разумеется... Очень неприятно оказаться в это замешанным... Мне, так же как и вам, хочется, чтобы расследование скорее закончилось. Как подумаю, что с ними сделали...

Очень неприятно оказаться в это замешанным. Это единственное, что волновало его в истории с Амброй и Алисой.

* * *

Ланг провел их в дом и пригласил в просторную гостиную, освещенную несколькими узкими и высокими окнами, из которых можно было наблюдать за передвижениями гольфистов на площадке; один из них как раз пытался выбраться из песчаного капкана бункера. Диваны, камин и стены в гостиной были белые. На одной стене висела электрогитара, на другой – черный телевизор с экраном высокого разрешения, с видеомagneтофоном и стереопроектором, куда входили вертушка для виниловых дисков, тюнер и считывающие устройства для CD и кассет.

И ни одной книги. Должно быть, романист держал их у себя в кабинете. Зато здесь стоял рояль с нотами. Из проигрывателя приглушенно доносилась цыганская мелодия: играла скрипка, то рассыпаясь стаккато и трелями, то замирая в меланхолической грусти. И Сервас вспомнил, что писатель по происхождению был венгром.

Эрик Ланг пригласил их сесть и предложил кофе. Сервас прислушался. В остальном доме не было слышно ни звука. Видимо, Ковальский тоже это заметил, потому что, когда писатель появился с подносом, где стоял кофейник с горячим кофе и чашки, он спросил:

– Вы живете один, господин Ланг?

– Да, а что?

– Да так, ничего.

Эрик Ланг уютно устроился на диване напротив полицейских, положил ногу на ногу, достал из кармана белых льняных брюк пачку сигарет и закурил.

– Так чем могу быть вам полезен, господа? – спросил он, разливая кофе по чашкам.

Писатель был благодушен и чуть ли не мурлыкал, как кот с бархатистыми лапками, готовый, однако, в любой момент без предупреждения выпустить острые когти.

– Вам нравятся молодые девушки, господин Ланг? – спросил Ковальский.

– Простите?

– Вы женаты?

– Нет.

– А женщин... вы предпочитаете молодых, не так ли?

– Вы о чем?

– Прошу прощения, видите ли, я прочел те письма... Но речь идет о расследовании преступления, и все, что мы увидели, привело нас к вам.

Ланг слушал его с задумчивым видом, завесившись сигаретным дымом.

– Ничего не понимаю... Вы не могли бы выразиться яснее?

– Хорошо. Для начала: мизансцена преступления в точности совпадает с аналогичной мизансценой в вашем романе «Первопричастница»...

– Да. Когда я прочел статью в газете, это было первое, о чем я подумал, – перебил его романист.

– Гм... И вам не пришло в голову позвонить в полицию?

Ланг поудобнее устроился на диване.

– Признаюсь, не пришло. Но, полагаю, это рано или поздно снова всплыло бы у меня в мозгу, и я, наверное, все-таки позвонил бы. Но вы сказали «*все*, что мы увидели, привело нас к вам». Значит, было что-то еще?

– Было.

– А можно узнать, что именно?

Ко бросил на него острый взгляд.

– Не только совпадение мизансцены преступления с тем, что вы пишете в своей книге, но еще и более того: экземпляр этой книги был найден в комнате Амбры Остерман.

– «Первопричастница» пользовалась головокружительным успехом, и ее тираж в общей сложности составил более шестисот тысяч экземпляров, – спокойно ответил Ланг. – А пик успеха пришелся как раз на этот район. Поэтому вероятность обнаружить ее экземпляр в одном из местных домов очень велика.

– Но ведь имя Амбра Остерман о чем-то вам говорит, правда, господин Ланг?

Писатель напрягся.

– Мне не очень нравится ваш тон, комиссар.

– *Инспектор*... Вы не ответили на мой вопрос.

Ланг пожал плечами.

– Да, конечно, Амбра была одной из моих поклонниц. Какое-то время мы переписывались. Но это было несколько лет тому назад; переписка уже довольно давно прекратилась.

– А почему вы разорвали контакты?

Ланг высокомерно усмехнулся. Его кустистые брови, почти сросшиеся у переносицы, сложились в букву V.

– Это проблема некоторых фанатов. Они становятся очень назойливы, желают принимать участие в вашей жизни, требуют к себе постоянного внимания... Им хочется играть важную роль в вашей жизни, и они считают, что если прочли ваши книги, то получили это право.

– А вам не хватает уважения к читателям, господин Ланг. Что произойдет, если завтра они все возьмут да и перестанут читать ваши книги?

Эта фраза, похоже, вовсе не понравилась писателю.

– Не обманывайте себя, инспектор. Я люблю своих читателей. Это они меня сделали.

«Да брось ты эту трепотню», – подумал Сервас, осматривая комнату и позволяя глазам глядеть, куда захотят: на предметы, на мебель, на фотографии... Вдруг он вздрогнул, и взгляд его заскользил в обратном направлении. На стене красовались штук десять черно-белых фото, все примерно одного размера: 50 × 40. Поначалу он не заметил, что у них есть что-то общее, и понял только потом, когда просмотрел еще раз. *Это были фотографии змей*... Змеиную тему затрагивали все снимки, но это не бросалось в глаза, поскольку снимки отличались друг от друга. Одни фото были сделаны очень крупным планом, когда видна каждая блестящая чешуйка, глаза, глядящие с пугающей пристальностью, или раздвоенный язык. А на других присутствие змеи угадывалось лишь по извилистому следу на песке, или змея – гремучка, гадюка или кобра – была снята общим планом. У Мартена каждая из фотографий вызывала ужас, потому что он вообще боялся змей, и Сервас поспешил переключиться на словесный поединок писателя и Ко.

– Давайте вернемся к Амбре и Алисе Остерман, – говорил шеф. – Как я уже вам сказал, господин Ланг, я прочел письма, которые вы им писали... Те, что мы нашли в родительском

доме девушек, в комнате Амбры. Они были тщательно спрятаны в двойной обложке фотоальбома – по всей видимости, Амбра не хотела, чтобы они попались родителям на глаза.

В воздухе повисла угроза. Ланг, прищурившись, загасил в пепельнице сигарету.

– Послушайте, инспектор...

– Я не закончил. Как бы вам это сказать, господин Ланг... Если б я не знал, кому были адресованы эти письма, то решил бы, что адресат – взрослая женщина, а не ребенок.

– Амбра и Алиса вовсе не были детьми.

– Но и взрослыми тоже не были... Вы всегда пишете подобные письма вашим пятнадцатилетним поклонницам?

В глазах Ланга сверкнул гнев.

– На что вы, в конце концов, намекаете?

– Вы встречались с Амброй и Алисой лично?

– Конечно, и не раз.

– При каких обстоятельствах?

– Когда подписывал им книги.

– Это всё?

– Нет...

Ковальский поднял бровь, приглашая собеседника продолжить.

– Мы встречались и в других местах.

– С какой целью?

– Ну, просто так, поболтать, чего-нибудь выпить... обменяться мнениями, взглядами...

– Взглядами?

– Ну да.

– И где проходили встречи?

– В кафе, ресторанах, книжных магазинах... один раз даже в лесу...

– В лесу?

Сервасу показалось, что в голосе Ланга послышалось сомнение.

– Это была их идея... Думаю, им хотелось бросить себе вызов. В юности случается бросать себе вызов. Это игра. Им захотелось увидаться со мной в лесу... ночью...

Ковальский растерянно на него взглянул.

– И вы согласились?

На губах писателя снова появилась высокомерная улыбка.

– Я нашел эту мысль возбуждающей.

– *Возбуждающей?*

– Оригинальной, если вам так больше нравится. Странной, волнующей... Но не составьте себе ложного представления...

– Вы считаете волнующей встречу с двумя девочками-подростками в лесу, да еще ночью?

Ланг вздохнул.

– Я знал, что вы так скажете... Вы всё стараетесь очернить. А сами ничего не понимаете.

– Вот как? Ну так объясните мне.

– Это были очень умные девочки, гораздо взрослее большинства своих сверстниц. Пылкие, искренние, трогательные. Блестящие в анализе и некоторых рассуждениях. Они восхищались моими книгами, и у них это выходило за рамки простого восхищения. В таком возрасте влияние романа, фильма или песни гораздо могущественнее, чем в более старшем. Вспомните ваши первые волнующие встречи с кинематографом, ваши первые книги. Это похоже... на некий культ, на поклонение и моему миру, и моим романам. Они действительно *поклонялись* моим книгам...

– А следовательно, и их автору...

– Да.

– И это вам льстило.
– Нет, но я находил это весьма трогательным. И, если хотите знать, значительным и важным.

– А что было для вас значительно и важно?

– Вся их энергия, энтузиазм и... *вера*.

– Но ведь это были всего-навсего дети, девчонки.

Похоже, после этого замечания Ланг занервничал.

– Я же вам уже сказал: они были намного больше, чем просто девчонки. Есть и такие взрослые, которым никогда не достичь их уровня понимания.

Ковальский покачал головой.

– И ваши встречи никогда не проходили здесь, в этом доме?

– Никогда.

– Расскажите мне о них... Какое впечатление они на вас произвели? Какие еще черты характера выделялись у них среди прочих?

Романист немного успокоился и задумался.

– Я уже говорил: они были очень умны, пылки и обладали богатой интуицией. И было в них что-то неуловимое и загадочное... Мне никогда не удавалось раскрыть их до конца, добраться до сути... Что же о чертах характера, то они обладали качествами, свойственными подросткам: у них был вкус к риску, неприятие чужих идей, в особенности родительских – родителей они ненавидели и упрекали за узость жизненных взглядов, за невысокое происхождение, – жажда провокации и потребность испытать силу собственной оболъстительности.

– Вас они тоже испытывали на этот счет?

– Конечно.

– Продолжайте...

– Не знаю, будет ли вам это полезно, – утихомирил его Ланг, – но вот уже несколько лет, как мы потеряли контакт. Я не знаю, в каком направлении и как они развивались в эти годы, остались ли такими же склонными к риску или встали в один ряд с другими. В этом возрасте все может резко меняться год от года.

– Вы уверены, что с ними не было никаких контактов?

– Я же вам только что сказал.

Ковальский поскреб себе бороду.

– Неважно, руководствовался ли вашей книгой тот, кто это сделал, господин Ланг. Но, так или иначе, вы не ушли из жизни девушек...

– Как это?

– Хотите этого или нет, однако влипли вы по уши.

Если сыщик рассчитывал произвести эффект и поразить Ланга, то он явно просчитался. На губах писателя снова появилась высокомерная гримаса, то ли улыбка, то ли оскал.

– Желаете меня напугать? Так должен сообщить вам, что для этого нужно еще много чего... А что у вас есть? Пачка писем и книга? Это вовсе не делает из меня убийцу.

Несколько секунд Ковальский молча, в упор смотрел на Ланга.

– Но и не говорит о вашей невинности. Где вы были в ночь с четверга на пятницу, господин Ланг?

– Ах, вот уже до чего дошло?

– Обыкновенный рутинный вопрос. Его мы задаем всем, кто так или иначе имеет отношение к этому делу, даже отдаленное...

– Я был здесь.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Нет, я был один. – Ланг поднялся. – Вы закончили? Или ко мне есть еще вопросы? Меня ждут на партию в гольф, и я уже опаздываю.

– Ну, вам не так далеко идти... Тут совсем близко, – заметил Ковальский.

Сервас тоже поднялся. И увидел, как оба собеседника смерили друг друга взглядом, прощаясь за руку.

– Удачи, инспектор, – сказал писатель таким тоном, каким пожелал бы хорошего матча какому-нибудь регбисту на стадионе в Тулузе.

Они направились к выходу. По дороге Сервас покосился на змеиные фото, висящие на стенах, и вздрогнул.

Около четырех часов дня, пообедав в центре, они вернулись к себе в отдел. Мартен совсем забыл о переезде. Вереницы людей в халатах тащили кто коробки, кто столы и стулья, увязанные в пластик, как пузыри, кто лампы и пишущие машинки. Рабочие поглядывали на них с раздражением: им наверняка пообещали, что помещения будут свободны с вечера пятницы до утра понедельника. Да вот только кто же мог предвидеть, что два трупа испортят всю обедню... Остальные участники группы уже ждали их в своих кабинетах, и Ковальский велел всем собраться, чтобы подвести итоги. Они открыли опустевший, без мебели, зал заседаний и разбрелись в поисках стульев, которые еще не успели утащить рабочие.

– И найдите мне доску! – крикнул Ковальский.

Где-то раздобыли и доску, правда, уже упакованную, и вспороли пленку и крепивший ее скотч.

– Эй, вы что делаете? – раздался чей-то грозный голос.

– Срочное дело, – ответил Манжен. – Не можем же мы писать на стенах.

Они расставили стулья полукругом перед доской, и Сервас подумал, что все это очень походит на собрание анонимных алкоголиков. Ковальский написал на доске толстым фломастером:

*В ночь с 27 на 28 мая АМБРА и АЛИСА убиты
Обнаружены ФРАНСУА-РЕЖИСОМ БЕРКО
Убиты широким и плоским предметом (ВЕСЛО?)
ИЗНАСИЛОВАННЫ не были
Признаки предумышленности:
ПЛАТЬЯ ПЕРВОПРИЧАСТНИЦ надеты на девушек уже после смерти
КРЕСТИК (где второй?)
Убиты на месте
Находились ночью в лесу: назначенная встреча?
КТО с ними был? Убийца? Еще кто-то?
Обратиться к свидетелям
Мизансцена идентична роману Эрика Ланга (несовершеннолетние)
Отсутствие АЛИБИ
Дверь в комнату Амбры вскрыта
Анонимные звонки РОДИТЕЛЯМ: временный номер*

– Кому-то есть что добавить?

Начались разговоры, которых Сервас не слушал. Он сидел, не двигаясь, и пристально смотрел на доску. Со времени двойного убийства прошло меньше сорока восьми часов. Опрос соседей пришлось прекратить, поскольку большинство потенциальных свидетелей – в основном студенты – разъезжались на выходные по домам, даже не заходя в кампус после занятий, и должны были вернуться только в понедельник. На понедельник и наметили продолжить опрос.

В этом убийстве было что-то такое, чего Мартен не понимал. Может, просто потому, что это было его первое дело? Если девушек убил Ланг, то Ковальский прав: надо быть либо полным идиотом, либо сумасшедшим, чтобы имитировать собственный роман, прекрасно понимая, что сыщики рано или поздно обнаружат его переписку с жертвами. Не говоря уже о том,

что эта теория выглядела слишком мудреной. Но если это не Ланг, то каков мотив убийства? Безумие? Какой-то обиженный и/или ревнивый поклонник не простил ему повышенного внимания к девушкам? Однако Ланг сам заявляет, что давно прекратил с ними все контакты... Кто-то пытается перевести на него стрелки? Но откуда этот кто-то узнал, что у Амбры в альбомном тайнике хранятся письма? О них мог знать сердечный дружок, если Амбра или Алиса ему доверяли... А если Ланг врет и на самом деле все-таки встречался с одной из девушек, то достаточно ли это веская причина, чтобы кто-то настолько приревновал, что пошел убивать? Сервас поудобнее устроился на стуле. Несомненно, ревность – один из основных мотивов непредумышленных, да и предумышленных убийств, так? Этому их учили еще в школе полиции.

– Мартен, есть идеи?

Все взгляды обратились на него. Кто смотрел с любопытством, кто с раздражением, кто с иронией. Ладно, момент настал. Либо его сейчас размажут по стенке, что очень порадует некоторых коллег, либо его теорию признают стоящей, и от этого враждебность сослуживцев только усилится.

И он изложил все, что думал.

Тишина, которая сразу же наступила, показалась ему бесконечной, хотя длилась не больше двух секунд. Мартен вдруг спросил себя, о чем тут разговаривали, пока мысли его блуждали где попало, и испугался, что повторил некоторые вещи, которые они уже слышали.

– Интересно, – сказал наконец Ковальский.

На миг ему показалось, что шеф группы над ним смеется. Но нет, тот был более чем серьезен.

– Интересно, – повторил он.

Услышать от него такое было равно похвале.

– Мартен, я хочу, чтобы ты покопался в жизни Алисы и Амбры. Они были хорошенькие, умные и спали в университетском кампусе, где было полно девчонок и парней их возраста. У них неизбежно завязывались какие-то отношения, которые перерастали в дружбу. И тут возникает вопрос: почему Амбра оставалась девственницей?

Он тут же записал свои последние вопросы на доске:

*Ланг действительно ПРЕВАЛ все контакты?
Какой-нибудь ревнивый парень?
Один из фанатов?*

Остальное время собрания ушло на вопросы логистики и распределения заданий. Кто-то спросил, как составлять рапорты, если все пишущие машинки уже уехали на бульвар д'Амбушюр.

– Я даже не уверен, что кто-то вообще найдет наш кабинет, там большое здание!

Раздались смешки, и атмосфера немного разрядилась. Но только с виду. Сервас заметил, насколько у всех встревоженный вид. Людям не всякий день случалось оказываться перед трупами двух молоденьких девушек, одетых в платья первопричастниц: двух девчонок, убитых в лесу. Это придавало делу оттенок непостижимого и обязывало разум отважиться на путешествие к таким берегам, откуда никто, и они это знали, не сможет вернуться невредимым. И здесь, в этой комнате, когда уже начал спускаться вечер, все поняли, что сейчас шагнут в неизвестность.

– Нынче вечер субботы, – бросил Ко. – Если у кого-то есть желание пойти куда-нибудь выпить, я не возражаю. До понедельника мне нужны два человека.

Мартен подумал об Александре, о Марго, обо всех, кто сегодня собирается выйти на улицу, чтобы насладиться прелестью последнего майского вечера, и почувствовал укол сове-

сти. А потом его мысли вернулись к Алисе и Амбре, и он поднял руку. На некоторых лицах появились насмешливые улыбки. Манжен тоже поднял руку.

– Благодарю вас, – сказал шеф группы.

Сервас вернулся к себе в кабинет. Рабочий стол и телефон были пока на месте. Он снял трубку и набрал домашний номер. Но услышал автоответчик. Тогда Мартен отправился к кабинету Манжена.

– Вот черт, – сказал тот, – автомат с напитками уже утащили. Как же тут продержишься до понедельника?

– А что интересного вы нашли в комнатах девчонок в кампусе? – спросил Мартен, не комментируя эту реплику, несомненно, не лишённую здравого смысла.

– Да ничего особенного, несколько фото...

– Можно взглянуть?

Манжен достал из ящика пакет для вещдоков. Внутри лежали фотографии. Сервас открыл пакет, вынул фото и быстро просмотрел их. Потом еще раз рассмотрел каждый снимок в отдельности, подолгу задерживаясь на некоторых. Его внимание привлекла кое-какая деталь. На групповых снимках повторялось одно и то же лицо.

– Вот эта девушка, – сказал он, постучав пальцем по фотографии, – выглядит так, словно она близко дружила с убитыми.

– Вполне возможно, – ответил Манжен.

– Могу я пока оставить фото себе?

– Да без проблем, – отозвался его коллега. – Слушай, а тебе еще не осточертел этот переезд? Дьявол, они отправляют нас к монахам-францисканцам!

Сервас улыбнулся. Новое помещение Региональной службы судебной полиции располагалось в двух километрах по прямой от старого, на берегу Южного канала, к югу от Францисканского квартала, названного так потому, что в этом месте в Средние века был монастырь ордена францисканцев. Однако в устах Манжена название прозвучало так, будто он говорил о депортации в трудовые лагеря Советского Союза.

– Ко попросил меня покопаться в биографиях жертв. Можно, я еще посмотрю твои заметки? Ну, те, что ты делал в их комнатах.

– Я не смог их распечатать, потому что остался без машинки. Там ничего не разобрать.

– Ничего, постараюсь расшифровать.

Манжен протянул ему свой блокнот.

* * *

Из отдела Сервас вышел в десять вечера, не продвинувшись за это время ни на йоту. Он сделал несколько звонков в ректорат, на медицинский факультет и на филологический, но была суббота, и всякий раз тот, кто снимал трубку, оказывался неспособен дать вразумительный ответ. Надо было ждать до понедельника. На его вопросы об Алисе и Амбре ответили только их родители. Но Мартен старательно обходил моменты, которые могли их сильно взволновать, и в конце концов решил перенести этот разговор на потом.

Уже зажглись уличные фонари, однако вечерней прохлады пока не чувствовалось. Он пошел пешком, проходя в жарком вечернем воздухе мимо ресторанов, откуда доносились обрывки разговоров, звон столовых приборов, смех и ворчание автомобильных моторов. И ему подумалось, что два разных мира сосуществуют, не смешиваясь: мир жизни, с его молодым задором, беззаботностью и надеждами, и мир болезней, страданий, упадка и смерти. Рано или поздно каждый приходит к тому, чтобы познать оба этих мира, но люди некоторых профессий – медсестры, пожарные, служители ритуальных услуг, полицейские – ежедневно переходят

из одного в другой. И Мартену вдруг стало интересно: каким он станет через двадцать, через тридцать лет, если продолжит заниматься своим ремеслом?

Сервас выкурил сигарету, сидя под высохшим платаном, что стоял между двух фонарей напротив его дома, махнул рукой соседу, который вывел собачку, и посмотрел на окна четвертого этажа. Света в них не было. Но и очень поздно тоже не было. Луна зацепилась за край крыши, как улетевший воздушный шарик. На лифте он не поехал, а взбежал по лестнице, достал из кармана ключ и, стараясь не шуметь, открыл дверь. Когда щелкнул выключателем в коридоре, на лестничной площадке погас датчик времени. На полсекунды Мартен погрузился в темноту, и ему показалось, что в глубине квартиры послышался какой-то звук. Он позвал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.